

Северо-Западная армия

В Октябрьской революции 1917 года, пришедшие к власти в Петрограде большевики развили бурную деятельность по уничтожению остатков прежней государственности. В частности, одним из первых декретов нового правительства были прекращены награждения крестами и медалями, чтившимися многими поколениями русских воинов, а сами «ордена и прочие знаки отличия» упразднены.

Реакцию офицерства нетрудно понять. Но в обстановке послеоктябрьского хаоса организовать вооружённое выступление в столице оказалось невозможным. Поэтому будущие лидеры контрреволюции и рядовые белогвардейцы, сумевшие избежать ареста или даже, как некоторые, выбраться из застенка под «честное слово», устремлялись на окраины разваливавшейся державы.

Путь одного из них, генерала царской армии Николая Юденича, зимой 1919-го лежал в Гельсингфорс, на территорию Финляндии. После переворота в метрополии это бывшее великое княжество объявило себя независимой республикой, а затем даже королевством. К тому времени там уже завершилась собственная гражданская война, принёсшая на германских штыках победу белофиннам.

Пробравшегося в новоиспечённую монархию генерала ждал весьма прохладный приём. Правда, финны допустили у себя организацию «Русского комитета», объявившего теперь Юденича национальным лидером с диктаторскими полномочиями, однако они не желали, равно как и другие недавно появившиеся на Балтике государства, принимать непосредственное участие в русской смуте, не без основания полагая, что тем самым выроют могилу своему неожиданно обрётённому суверенитету.

Напрасно Юденич, чей авторитет был завоёван победами над турками в 1915–1916 годах в качестве командующего Кавказской армией, вёл напряжённые переговоры с финским регентом Маннергеймом, ездил в Стокгольм просить поддержки у бывших союзников по Антанте и пытался объединить всю разномастную антибольшевистскую публику под нейтральным флагом, заявляя со страниц русскоязычной хельсинской газеты «Северная

жизнь»: «У русской белой гвардии одна цель — изгнать большевиков из России. Политической программы у гвардии нет. Она и не монархическая, и не республиканская. Как военная организация, она не интересуется вопросами политической партийности. Её единственная программа — долой большевиков».

Все усилия легально сформировать в Финляндии новую русскую армию пошли прахом.

Наконец, адмирал Колчак, гордо именовавшийся Верховным правителем России, в начале июня 1919 года телеграммой из далёкого Омска извещал Юденича о назначении «главнокомандующим всеми русскими сухопутными, морскими вооружёнными силами против большевиков на Северо-Западном фронте». Главнокомандующий прибыл в Ревель, где вплотную занялся подготовкой рискованной операции — наступления на красный Петроград.

Что же представляла собой в тот момент Северо-Западная армия?

Костяк её состоял из Псковского корпуса (название неоднократно менялось), сформированного в октябре 1918 года на подконтрольных немцам территориях прибалтийских и северо-западных русских областей, занятых германской армией в результате февральского наступления и сепаратного Брестского мира. Наполовину она была сколочена из офицеров-добровольцев. Кроме того, в ней было много бывших военнопленных, некоторое количество красных дезертиров и мобилизованных местных жителей. Возглавить корпус предстояло генералу Фёдору Келлеру, убеждённому монархисту.

Но на пути с Юга России Келлер вынужденно задержался в Киеве, обложенном петлюровцами, которым он попытался дать отпор, обещая в то же время киевлянам «через два месяца поднять Императорский штандарт над священным Кремлём». Такие заявления только бесили украинское правительство «гетмана» Павла Скоропадского (кстати, бывшего келлеровского адъютанта и бывшего командира лейб-гвардии Конного полка). Генерала отстранили от руководства обороной города и 14 декабря Киев пал. Собрав десятка три

офицеров и юнкеров, Келлер выбил петлюровцев, продвигавшихся по Крещатику, с Думской площади, переименованной националистами другой эпохи в Майдан Незалежности, но затем, осознав бесполезность борьбы, отступил со своим отрядом в Михайловский монастырь, где предложил оставшимся в живых снять погоны и скрыться. Сам же с двумя преданными офицерами остался ждать неизбежной участи.

Когда на Киев златоглавый вдруг снова хлынул буйный вал, Граф Келлер, витязь русской славы, спасенья в бегстве не искал. Он отклонил все предложения, не снял ни шапки, ни погон: «Я сотни раз ходил в сраженья и видел смерть» — ответил он.

Ну мог ли снять он крест победный, что должен быть всегда на нём, Расстаться с шапкой заповедной, ему подаренной Царём?.. Убийцы бандой озверелой ворвались в мирный монастырь. Он вышел к ним навстречу смело, былинный русский богатырь.

Затихли, присмирели гады. Их жѐг и мучил светлый взор, Им стыдно и уже не рады они исполнить приговор. В сопровождении злодеев покинул граф последний кров. С ним — благородный Пантелеев и верный ротмистр Иванов.

Кругом царила ночь немая. Покрытый белой пеленой, Коня над пропастью вздымая, стоял Хмельницкий, как живой. Наглядно родине любимой, в момент разгула тѐмных сил, Он о Единой — Неделимой в противовес им говорил.

Пред этой шайкой арестантской, крест православный сотворя, Граф Келлер встал в свой рост гигантский, жизнь отдавая за Царя. Чтоб сним не встретиться во взгляде, случайно, даже и в ночи, Трусливо всех прикончив сзади, от тел бежали палачи.

Мерцало утро. След кровавый алел на снежном серебре... Так умер витязь русской славы с последней мыслью о Царе.

Автор этих стихов Пётр Шабельский-Борк в марте 1922 года устроил стрельбу в Берлинской филармонии, пытаясь прикончить выступавшего там с лекцией Павла Милюкова; девять человек были ранены, но лидер конституционных демократов не пострадал. Зато вторым «стрелком», Сергеем Таборицким, был убит другой известный кадет, Владимир Набоков, отец знаменитого писателя, попытавшийся выхватить оружие из рук будущего автора «Витязя славы». Выйдя из немецкой тюрьмы по амнистии в 1927 году, Шабельский-Борк занялся стихотворческим, с образчиком которого вы только что ознакомились, затем увлёкся нацизмом, даже получал пенсию от пришедших к власти в Германии фашистов и, подобно немалому числу других уцелевших мелких нацистских прихвостней, эмигрировал после войны в Южную Америку.

Но вернёмся к нашему повествованию. В ноябре 1918 года немецкая помощь русским прекратилась ввиду развернувшихся в самой Германии революционных событий и выхода её из войны. Немцы начали покидать оккупированные ими области. Туда тотчас устремились большевистские отряды.

Немногочисленные белые силы пробовали удержаться за собой Псков, но были выбиты оттуда и отступили в Эстонию.

Однако 13 мая 1919 года переформированный пятитысячный Северный корпус предпринял неожиданное наступление под Нарвой, прорвал оборону 7-й советской армии и быстро продвинулся дальше, в обход Ямбурга, который 17 мая пал. Ещё через неделю красные потеряли Псков и откатились к Луге, Ропше и Гатчине.

Под впечатлением от первоначальных успехов корпуса, его командир генерал Александр Родзянко учредил приказом от 10 июля особую награду. Это был позолоченный белой эмалью крест 39 × 39 мм, вдоль горизонтальных концов которого написано славянской вязью: «13 мая 1919». Крест полагалось носить на круглой розетке бело-сине-красных национальных цветов с левой стороны груди.

Вскоре, однако, порыв белогвардейцев иссяк. В то же время Красная армия подтянула резервы и в ходе последовавшего контрнаступления вернула себе Псков и Ямбург.

Теперь Антанта решила, наконец, оказать помощь Юденичу. В июле англо-французы стали подгонять на петроградское направление находившуюся в Курляндии Западную Добровольческую армию Павла Бермонта-Авалова. Но этот авантюрист имел в Прибалтике собственные

цели. Часть его войска действительно переправилась морем к Юденичу, но остальные, числом до пятидесяти тысяч, отсутствию которых самым прискорбным сказалось на петроградском фронте, безуспешно штурмовали Ригу, так что английскому флоту даже пришлось участвовать в её обороне на стороне латышей.

Бермонт, растраниживший неосмотрительно вверенные ему силы, тем не менее успел учредить свою награду — орден Западной Добровольческой армии. Он представлял собой крест «мальтийской» формы, с раздвоенными концами, размером 51 мм, изготовивался из белого металла, покрытого чёрным лаком или чёрной эмалью, и имел две степени. Над верхней стороной креста располагался череп со скрещёнными под ним костями. Военные удостоивались крестов с мечами, штатские — без мечей. Крест 1-й степени носили на шее на чёрной ленте с каймой: с одной стороны русских национальных цветов, а с другой — германских (чёрно-бело-красной). При ношении на шее — германские цвета наверху. То же и при ношении на груди с бантом креста 2-й степени.

Немецкие добровольческие части, входившие в состав бермонтовской армии, имели собственный наградной знак, крест Балтийского Ландвера — чёрный железный прямоугольный крест с наложенным на него золочёным, но меньшего размера, имевшем на четырёх концах золочёные лилии.

Покуда бывшие враги, русские и немцы, дружно топтались перед неприступной Ригой, Северо-Западная армия, недостаточно экипированная, плохо вооружённая и немногочисленная, 10 октября перешла в наступление.

Оно поначалу развивалось успешно. В войсках царил необычайный подъём. 7-я армия красных была расчленена и разгромлена. 16 октября белые заняли Красное Село, на следующий день — Гатчину, 20 октября они захватили Павловск и Царское Село и вышли на ближние подступы к Петрограду.

Но высокий темп наступления при небольшой численности привёл к распылению сил и несогласованности действий. К тому же в решающий момент проявились две основные болезни Белого движения — отсутствие общей политической платформы и бонапартизм. Каждый командир более-менее крупной воинской части хотел приписать себе честь освобождения Петрограда от большевиков, а потому приказы главнокомандующего зачастую попросту игнорировались.

Наоборот, красные, оправившись от первоначального шока, крутыми мерами восстановили порядок у себя в тылу. На фронт были мобилизованы коммунисты и комсомольцы, тысячи женщин согналы в городе на строительство уличных баррикад. 17 октября, в день падения Гатчины, к рабочим и красноармейцам обратился с воззванием председатель Совнаркома РСФСР Владимир Ленин:

«Товарищи! Наступил решительный момент. Царские генералы ещё раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки. Ещё раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять Красный Питер. Враг напал среди переговоров с Эстляндией о мире, напал на наших красноармейцев, поверивших в эти переговоры. Этот изменнический характер нападения отчасти объясняет быстрые успехи врага. Взяты Красное Село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Петербургу. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвёртую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом».

Пять дней спустя в письме председателю Реввоенсовета Республики Льву Троцкому большевистский вождь использовал иную риторику:

«Покончить с Юденичем (именно покончить — добить) нам дьявольски важно. Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать ещё тысяч 20 питерских рабочих, плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулемёты, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича?»

Добиться напора удалось. Сосредоточив против белых превосходящие силы, частично отвлечённые от борьбы на юге с Деникиным, Красная армия в двадцатых числах нанесла мощный контрудар и одержала полную победу.

Юденич писал в те дни эстонскому главнокомандующему Йохану Лайдонеру:

«Красные подавляющими силами упорно атакуют и местами теснят части вверенной мне армии, особенно со стороны Гдова. Войска до крайности утомлены непрерывными боями. На крайне тесном пространстве между фронтом и эстонской границей — в непосредственном тылу войск скопились все обозы, запасные, пленные, беженцы, что до крайности стесняет маневрирование войск, малейший неуспех может создать панику в тылу и привести к катастрофе и гибели всей армии. Необходимо не позднее завтрашнего дня перевести все тылы на левый берег Наровы. Предвижу возможность и даже неизбежность дальнейшего отхода армии, что может вызвать конфликт в случае перехода границы Эстонии. Во избежание неминуемой гибели армии я прошу вас не отказать немедленно принять под ваше командование вверенную мне армию и назначить ей участок общего с вверенными вам войсками фронта. Прошу вас доложить мою просьбу эстонскому правительству о принятии Северо-Западной армии под покровительство Эстонии».

История готовилась повториться: белые намеревались укрыться за границей Эстонии. Но политическая ситуация изменилась. Эстонское правительство желало скорейшего мира с большевиками и русских беглецов на её территории ждали не отдых и переформирование, а интернирование и ограбление, голод и, наконец, тиф, унёсший жизни нескольких тысяч военнопленных.

Вот характерный отрывок из «Секретного доклада Северо-Западного фронта о положении русских в Эстонии»:

«Русских начали убивать прямо на улице, запирать в тюрьмы и концентрационные лагеря, вообще всячески притеснять всякими способами. С беженцами из Петроградской губернии, число коих было более 10 000, обращались хуже, чем со скотом. Их заставляли сутками лежать на трескучем морозе на шпалах железной дороги. Масса детей и женщин умерло».

22 января 1920 года Северо-Западная армия официально перестала существовать.

На память о ней остался знак ветеранского «Объединения Северо-Западников». Он в уменьшенном виде повторяет шеврон, который участники злополучного похода носили на рукаве, — золочёный треугольный щиток русских национальных цветов размером 2 × 2 см, с белым крестом в красном поле. По бокам креста выведено золотом: «С. З.», сверху дата: «1919».

Ветераны 5-й «ливенской» дивизии, названной так по имени своего первого командира, светлейшего князя полковника Анатолия Ливена, пожелали иметь собственный памятный знак — белый эмалевый крест с двумя перекрещёнными мечами. В середине его, на бело-сине-красном гербовом щите, золочёная буква «Л» и памятная дата «1919», над щитом — Российская императорская корона.

«Лучшая бомба» Савинкова

На стене духовной семинарии в варшавском районе Saska висит скромная мемориальная доска. На доске изображено невыразительное лицо усатого человека в военной форме. Надпись по-польски гласит: «Генерал Войска Польского Станислав Булак-Балахович, 1883–1940. Командующий бело-русской союзной армией, сражавшейся за независимость Польши в войне 1920 года. Создатель и командир Отдельной специальной группы, принимавшей участие в обороне Варшавы в сентябре 1939 года. После капитуляции создатель „Военной конфедерации“. Предательски убит 10 мая 1940 года в Саской Кемпе». Как говорится, простенько, но со вкусом. И всё-таки чересчур уж многословно, можно было бы выразить лаконичнее: бандит.

Так называли Балаховича многие, причём не только враги, но и покровители, в частности Юзеф Пилсудский. Великопольский шовинист, потомственный русофоб, маршал и диктатор Польши счёл нужным определение развернуть и уточнить: «Да, бандит, но не только бандит, а человек, который сегодня русский, завтра поляк, послезавтра белорус, ещё через день — негр. Мы об этом знаем... Но у него нет гонора золотопогонных генералов, мечтающих возродить в России монархию. Он воюет с большевиками, поэтому мы его поддерживаем. Пусть они будут хоть неграми, но если борются с Советами, значит они наши союзники».

Будущий «командующий белорусской союзной армией», появился на свет в семье повара и горничной и происходил из крестьян Ковенской губернии. Судя по имени его и брата Юзефа, не русский и не негр, а всё-таки поляк. Современники также отмечали, что по-русски Станислав говорил с сильным польским акцентом.

Выучившись на агронома, он с 1904 года работал управляющим имения графа Плятера в Дисненском уезде Виленской губернии, где провёл десять ничем не примечательных лет, если не считать двух женитьб и усиленного производства потомства (всего у Булак-Балаховича было семеро детей от трёх браков).

Разразившаяся гроза Первой мировой войны уже первыми своими громовыми раскатами пробудила в этом провинциальном семьянине жажду кипучей деятельности. Пока другой беспоконный господин, Пилсудский, в Париже уговаривал французов и англичан дать Центральным

державам сперва разгромить Россию, а уж потом разобраться с нелюбезной его шляхетскому сердцу немчурой, братья Балаховичи отпарывались сражаться за веру, царя и отечество. Здесь старший быстро выдвинулся как лихой наездник и партизан. Осенью 1915-го он был произведён в корнеты и назначен командиром эскадрона в отряде Особой важности при Главкоме Северного фронта, действовавшем в районе Риги. За успехи в боях Станислав Булак-Балахович получил несколько солдатских (Георгиевская медаль, Георгиевские кресты трёх степеней) и офицерских наград, в том числе, что интересно, двух «Станиславов», некогда перешедших из польской в российскую наградную систему. Командир отряда характеризовал своего подчинённого как талантливого офицера («несмотря на отсутствие военной школы») и человека с «редким хладнокровием». К последнему определению ещё вернёмся.

Повторяя судьбу остальной русской армии, отряд фактически прекратил существование к 1918 году, но ядро его во главе с Булак-Балаховичем продолжало ещё какое-то время по инерции прикрывать направление на Петроград. После февральского наступления немцев, последовавшего за демаршем Троцкого на переговорах, и заключения в марте Брестского мира на ещё более тяжёлых для России условиях оба брата Балаховича подались в нарождавшуюся Красную армию.

Станислав сформировал на базе своего отряда в Луте конный полк и приказом того же Троцкого был назначен его командиром. Полк тут же с успехом задействовали для подавления местного контрреволюционного мятежа. Но вскоре Балахович стал раздражать кремлёвское начальство: красный командир наотрез отказывался принимать в ряды полка коммунистов. Для своих людей он хотел быть единственным и непререкаемым авторитетом — батькой.

Осенью 1918-го военно-политическая обстановка в Европе изменилась. В октябре Германия потерпела поражение на Западном фронте, что немедленно привело к падению в Берлине династии Гогенцоллернов. Новое немецкое правительство заключило перемирие с Антантой. 17 октября венгерский парламент расторг унию с Австрией и провозгласил независимость страны. Это означало конец многонациональной державы Габсбургов: 28 октября образовалась Чехословакия, на следующий день возникло государство словенцев, хорватов и сербов, а 6 ноября в Кракове было объявлено о воссоздании Польши.

13 ноября вцик аннулировал Брестский мир. Оккупационные войска австро-германцев покидали, дезертируя, или готовились покинуть русские земли. Сформированные под их прикрытием в Прибалтике белогвардейские отряды намеревались в дальнейшем опереться на англо-французов

и во что бы то ни стало удерживать за собой освобожденные территории в качестве плацдарма для броска на Петроград и Москву. Однако теперь, когда Россия уже не нужна была для отвлечения на себя вражеских сил, бывшие союзники не тропились активно вмешаться в её запутанные внутренние дела, предоставляя русским их собственной участи.

И всё-таки той осенью перспективы антибольшевистских сил некоторыми расценивались как многообещающие. Так решил и Булак-Балахович, на кровавом счету которого числилось уже немало жертв. Чтобы не держать за них ответ, батька обнулил счёт одним махом: в начале ноября переметнулся к белым, за что получил от них помилование и звание ротмистра, а затем подполковника и полковника. Весной 1919-го он участвовал в наступлении Северного корпуса, занял Гдов, а затем и Псков, куда уже вошли эстонцы, с которыми он в то время коротко сошёлся.

В отданном в его полное распоряжение городе и окрестностях Булак-Балахович тут же начал устанавливать свой порядок, то есть экспроприровать и казнить. Хвалёное «редкое хладнокровие» он и его подручные, вроде Энгельгардта, барона и садиста, проявляли в особенности к евреям, видя в каждом из них потенциального коммуниста. Тех, кто имел возможность чем-нибудь откупиться, обдирали как лику, женщин насиловали, а остальных заставляли самостоятельно вешаться на фонарных столбах. Уличной казни нередко предшествовало «судилище», во время которого Булак-Балахович или Энгельгардт вступали в иезуитский «диспут» с жертвой, после чего атаман, как настоящий демократ, заявлявший в газетах, что воюет не за монархию или буржуев, а за Учредительное собрание, апеллировал к согнанному народу. «Я приглашаю вступить сюда, когда увидят, что убивают невинного. На тех, за кого вступятся свободные граждане, моя рука не подымется». Желающих вступить, разумеется, не находилось, и рука подымалась и подымалась...

Командующий Северным корпусом генерал Александр Родзянко сделал неловкую попытку обуздать кровожадные инстинкты лихого агронома — в июне он произвёл Булак-Балаховича в генерал-майоры (из корнетов в генералы за четыре года). Но остановить того было уже невозможно. Вскоре батька попался на печатании фальшивых денег — «керенок», ещё имевших хождение в России. Между тем он успел заручиться поддержкой эстонцев. Заодно установил контакт и с Войском Польским, тайком пообещав действовать согласно приказам из Варшавы. Новоиспечённого генерала арестовали, но из-под ареста он тут же бежал и скрылся, так что катастрофу под Петроградом Северо-Западная армия потерпела без его участия.

Булак-Балахович выпрыгнул как чёрт из табакерки в Ревеле, когда всё для белых было уже кончено. Он явился в сопровождении эстонских полицейских в гостиницу «Коммерс», где квартировал главнокомандующий, схватил его и присвоил крупную сумму в твёрдой валюте. С деньгами и Юденичем в заложниках батька рванул, было, на поезде, по настоянию англичан его возвратили с дороги, и лишь благодаря крепким связям в эстонском правительстве он сумел избежать ареста.

Весной 1920-го атаман уже в Бресте — формирует партизанский отряд и помогает полякам бороться с красными в Полесье. Сносится с Борисом Савинковым, талантливым литератором и беспринципным прохвостом, организатором громких террористических актов в Российской империи (в частности, он осуществлял непосредственный контроль за Иваном Каляевым, убийцей великого князя Сергея Александровича). Савинков, привыкший проливать кровь чужими руками, восторженно отзывался о новоприобретённом знакомце: «Балахович — лучшая бомба, которая когда-либо была у меня в руках».

Но, в отличие от наивного романтика Каляева, тот ни в коем случае не являлся идейным борцом. Правда, и он не лишён был странных фантазий. Когда Савинков наагитировал достаточное количество разного сброда вступить в ряды Народно-Демократической армии балаховцев, а в октябре паны заключили перемирие с большевиками, согласно которому они не могли официально терпеть на своей территории посторонние вооружённые формирования, пёстрое войско Булак-Балаховича двинулось походом на Белоруссию. Банда захватила Мозырь, и здесь батька торжественно развернул заранее припасённое бело-красно-белое знамя, бывшее позднее — несколько лет в начале 1990-х — государственным флагом Республики Беларусь. Атаман провозгласил независимое Белорусское государство, а себя — его верховным главнокомандующим. И приступил к экспроприациям и погромам.

Вот как описывал житель Мозыря А. Найдич взятие города балаховцами (ГА РФ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 459. Л. 2–3):

«В 5 часов вечера балаховцы вступили в город. Крестьянское население радостно встретило балаховцев, но евреи попрятались по квартирам. Сейчас же начался погром с массовыми изнасилованиями, избиениями, издевательствами и убийствами. Офицеры участвовали в погроме наравне с солдатами. Незначительная часть русского населения грабила лавки, вскрытые балаховцами. Всю ночь по городу стояли душу раздирающие крики...»

Позднее, в 1922 году для бывших сослуживцев по пиратско-партизанскому отряду Балахович установит, позаимствовав название у недавно

возникшего нового польского ордена, специальную награду — «Крест храбрых». Этот покрытый белой (в отдельных случаях — чёрной) эмалью крест, повторяющий форму Георгиевского (вот уж совсем нестати!), носился на чёрной ленте с жёлтой каймой по краям. В центре креста в круглом медальоне, обвитом лавром, над скрещенным мечом и факелом оскалился череп.

...За пару недель хозяйничанья в Мозыре и его окрестностях бандиты ограбили около двадцати тысяч евреев, убили свыше трёхсот. Более пяти-сот женщин были изнасилованы. Командующий, обращаясь к одному из своих атаманов, возмущаясь какой-то слишком уж миролюбивой по отношению к сынам Израиля печатной прокламацией, так сформулировал своё жизненное кредо: «Бросьте, генерал: как бил жидов, так и буду бить».

18 ноября Красная армия вышвырнула балаховцев из Мозыря. Вскоре в Москве была принята радиограмма: «26 ноября ночью остатки армии Балаховича перешли на польскую территорию, где были немедленно разоружены поляками в присутствии представителя Советской России, специально для этого прибывшего. Савинков совершенно отказался от Балаховича».

Дальнейшая биография батьки уместается в несколько строк. Перейдя в прежнем звании уже официально на польскую службу и получив лесную концессию в Беловежской Пуще, Станислав Булак-Балахович женился в третий раз, отпустил усы пышнее и зажил комфортно, тратя добытые денежки. В 1926 году участвовал в Майском перевороте, установившем в Польше военную диктатуру Пилсудского. Писал книжки о будущей войне с немцами, возглавлял ветеранскую организацию и всю оставшуюся жизнь опасался покушения (его брата Юзефа ликвидировала советская разведка). Балаховича действительно застрелили на варшавской улице в мае 1940-го, но не энкаведэшники, а гестаповцы. Новым хозяевам живой батька оказался неинтересен.

Северная армия

После петроградских событий октября 1917 года власть Советов «по телеграфу» вначале установилась на большей части страны. Не составили исключения и Мурманск с Архангельском, где были сосредоточены значительные запасы военных материалов, которыми союзники по Антанте снабжали Временное правительство. Надежда англо-французов удержать с помощью этих поставок фронт на Востоке оказалась несбыточной. Когда же Советское правительство, не посчитавшись с их интересами, заключило в Бресте сепаратный мир, а германские войска беспрепятственно высадились в Финляндии, Антанта встала перед вопросом: как сделать так, чтобы припасы, накопленные в северных русских портах, не достались врагу.

Весной 1918 года с одобрения местного совдепа в Мурманске начали высадку английские, французские и американские части под общим командованием английского генерала Пула. Официально говорилось о поддержке большевиков в отражении прогерманских белофиннов, активизировавшихся в Карелии и на Крайнем Севере, в районе Печенги. Продвижение на 600 км к югу, занятие Кеми, Онеги и взятие под контроль северного участка стратегически важной Мурманской железной дороги подготовило благоприятные условия для высадки в Архангельске 2 августа новых сил, состоявших из канадцев, австралийцев, американцев, французов, итальянцев и сербов. Одновременно в городе произошёл переворот, подготовленный капитаном 2-го ранга Чаплиным. Формально власть перешла к Временному правительству Северной области (первоначально — Верховное управление Северной области, вусо), возглавлявшемуся масоном-социалистом Николаем Чайковским. Фактически же это правительство полностью зависело от иностранцев. Чаплина произвели в капитаны 1-го ранга и назначили главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами вусо.

По всей видимости, ещё в 1916 году, во время службы на подлодке Королевского в/мф Георгий Чаплин был завербован английской разведкой. Она-то и помогла ему перебраться из Петрограда на север, снабдив документами на имя британского офицера Томсона. Но предпринятая капитаном в начале сентября попытка нового переворота, теперь уже с целью свержения правительства социалистов и установления военной диктатуры, вызвала в Архангельске политическую стачку. Поэтому зарубежные кураторы стали подыскивать новую кандидатуру на роль командующего.

Сначала их выбор пал на полковника Дурова, затем на последнего начальника Генерального Штаба русской армии при Керенском генерал-майора Марушевского, арестованного победившими большевиками в Петрограде, но выпущенного из тюрьмы под честное слово и благополучно скрывшегося. До Февральской революции он неплохо зарекомендовал себя при штабе русских экспедиционных сил, воевавших на территории Франции. Но и Марушевский оказался бессилем насадить дисциплину в подчинённых ему пёстрых по составу и вооружению отрядах, не признававших формы и не носивших погон. Тогда в январе 1919-го его заменили генерал-лейтенантом Миллером.

Евгений Карлович Миллер всю жизнь был штабистом и администратором. Много лет он провёл за границей в качестве военного атташе. Боевого опыта ему явно не хватало, а недолгое командование 26-м армейским корпусом в Карпатах должно было оставить у него самые неприятные воспоминания: в апреле 1917 года генерала

избили и арестовали его собственные солдаты за приказание снять красные революционные банты. Миллера отправили под конвоем в столицу. Однако здесь ему не только удалось избежать всякого наказания, но и организовать себе заграникомандировку в качестве представителя русской Ставки при Итальянской главной квартире.

В ноябре Миллер порвал с новой, большевистской Ставкой и весной 1918-го перебрался в Париж, где занялся вопросами возвращения в Россию частей русского экспедиционного корпуса для борьбы с красными. За этим занятием его застал настойчивый призыв посетить родину лично. Вскоре последовало и официальное приглашение от правительства Северной области занять пост генерал-губернатора.

В январе Миллер прибыл на ледоколе в Архангельск, быстро расширил свои полномочия до командующего армией, фронтом и, наконец, в сентябре, по распоряжению Колчака, стал Главным начальником Северного края с диктаторскими полномочиями.

Нельзя не признать его организаторских способностей: летом 1919 года контрреволюционные силы за Полярным кругом количественно возросли. Но увеличенная путём мобилизации местного населения и включения в её ряды дезертиров и пленных Северная армия, хотя и простиралась численно за пятьдесят тысяч человек (без учёта десяти тысячного ополчения), представляла собой во всех отношениях негодный инструмент. Не помогли и организованные офицерские школы, в которых преподавали иностранные инструкторы.

Для поднятия морального духа белые стали практиковать награждение упразднёнными революцией орденами и медалями, иногда добавляя в них что-нибудь от себя. Так, орден Святого Георгия покрывался не привычной белой, а зелёной эмалью, и т. д. Учредили и собственную медаль. Об изяществе её, правда, не позаботились. На аверсе этой топорно выполненной, чрезмерно изобилующей деталями награды, носившейся на ленте из голубой и белой полос, в центре была изображена крылатая Победа, держащая меч в правой руке и щит в левой. По левую сторону от неё — русский солдат, заряжающий винтовку, и солдаты союзных войск, ведущие стрельбу: англичанин, американец, француз, итальянец и серб. Сверху на реверсе — двуглавый орёл без короны с распущенными крыльями, держащий в лапах венки и меч. На груди орла щит с изображением святого Георгия. Внизу — погрудные фигуры всё тех же солдат-союзников, окружающие русского. Под орлом надпись в две строки: «Медаль в память освобождения Северной области от большевиков»

Но и награды не могли увлечь в бой северное воинство. Даже опыт с интернациональным Славяно-Британским легионом окончился плачевно.

Эта часть, в которую поначалу записалось много кадровых офицеров, постепенно дошла до принудительной вербовки, взбунтовалась и попыталась перейти к красным. Мятёжников разоружили, некоторых из них потом расстреляли британцы.

В конце концов на Северную армию союзники стали смотреть как на прожорливый сброд. Белое дело вообще уже в то время не пользовалось сочувствием за рубежом. В рабочей среде на Западе крепили голоса тех, кто симпатизировал Советской республике. С этим внутривнутриполитическим течением правящему классу вскоре пришлось считаться.

Казалось бы, ещё совсем недавно английский премьер Ллойд Джордж вешал в стенах парламента: «Мы не можем сказать русским, борющимся против большевиков: „Спасибо, вы нам больше не нужны. Пускай большевики режут вам горло“. Мы были бы недостойной страной!.. А поэтому мы должны оказать всемерную помощь адмиралу Колчаку, генералу Деникину и генералу Харьковцу».

Неизвестно, какому «генералу Харьковцу» собирался оказать всемерную помощь Ллойд Джордж, но под впечатлением успехов Красной армии, а также уступая давлению общественного мнения его правительства отказалось поддерживать антибольшевистские силы в России, свернуло поставки продовольствия и боеприпасов. Иностранный воинский контингент был эвакуирован из Северной области, бросив белогвардейцев на произвол судьбы.

Иностранцы и раньше не выказывали желания сражаться, ограничившись в основном удержанием территории и созданием на ней концентрационных лагерей, а также облётom побережья на аэропланах ради эффективных кадров для кинохроники. До поры до времени красные не создавали сколько-нибудь серьёзной угрозы этому положению. Но опыт, мощь и численность Красной армии на северном направлении постепенно росли, так что теперь поражение оставленной с ними один на один миллеровской армии, предпринявшей между тем осенью 1919-го последнюю отчаянную попытку наступать, было вполне предсказуемо.

Декабрьский контрудар красных загнал белых в порты, оттуда всего около 800 человек с генералом Миллером сумели эвакуироваться морем 19 февраля 1920 года. Остальные рассеялись или сдались.

В эмиграции бывшие военнослужащие Северной армии создали ветеранское «Общество северян», учредившее для своих членов особый памятный знак — покрытый белой эмалью серебряный Андреевский крест, с узкой голубой каймой по краям. На левом верхнем конце креста надпись «Архангельск», на правом — «Мурманск», на левом нижнем — «1 августа 1918», на правом — «19 февраля 1920». В центре креста серебряный двуглавый орёл под тремя коронами. Носить знак полагалось на винте в петлице штатского костюма.

Вот собственно и всё, что известно о нём,— ни образцы, ни списки награждённых не сохранились.

Антисоветское сопротивление на севере и в Заполярье окончилось. Остаётся рассказать о дальнейшей судьбе и трагическом конце генерала Миллера. Перебравшись из Норвегии во Францию, он стал главноуполномоченным по военным и морским делам генерала Петра Врангеля, в то время ещё продолжавшего вооружённую борьбу на юге России. Позднее занимался денежными делами великого князя Николая Николаевича. А с 1925 года сделался старшим помощником председателя Русского общевойскового союза (РОВС). После похищения агентами ОГПУ в 1930 году в Париже главы этой организации, генерала Александра Кутепова Миллер заместил его. 22 сентября 1937-го он, в свою очередь, был похищен и тайно вывезен из Гавра в Ленинград на теплоходе «Мария Ульянова». Организовать поимку генерала помогли супруги-предатели — Николай Скоблин, бравоый корниловец, кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени за пленение целого австрийского батальона, и его жена, популярная певица Надежда Плевицкая. Их разоблачение вызвало грандиозный скандал, в очередной раз расколовший белоэмиграцию. В 1940-м осуждённая Плевицкая умерла во французской тюрьме. Неизвестно в точности, где и при каких обстоятельствах погиб её муж. В рассекреченном ФСБ деле Миллера имеется следующая собственноручная записка Скоблина:

«11 ноября 37. Дорогой товарищ Стах! Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза. Сердце моё сейчас наполнено особой гордостью, ибо в настоящий момент я весь, целиком, принадлежу Советскому Союзу, и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября (день похищения генерала Миллера. — М. Л.). Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моём Великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине — Советском Союзе... Сейчас я твёрд, силен и спокоен и верю, что Товарищ Сталин не бросит человека...».

Скоблин не мог, конечно, предусмотреть того, что опытный Миллер, собираясь на встречу «с германским офицером, военным атташе при лимитрофных государствах, Штроманом и с Вернером, прикомандированным к здешнему германскому посольству», оставит в РОВС записку с указанием, куда, к кому и с кем он направляется. Версии дальнейшего противоречивы и неясны. То ли Скоблина, сумевшего скрыться в советском посольстве, тайком перевезли в Испанию, где, по словам ветерана отечественных спецслужб Павла Судоплатова, выкинули из самолёта, то ли переправили в СССР и уже здесь потихоньку ликвидировали.

Что же касается Миллера, то он был доставлен в Москву и помещён во внутреннюю тюрьму на Лубянке, где, безрезультатно адресуясь к наркому Ежову, просил позволения посетить инкогнито православную церковь:

«Могу перевязать лицо повязкой, да и вообще мой современный облик штатского старика мало напоминает молодявого 47-летнего генерала, каким я уехал из Москвы в 1914 году».

11 мая 1939 года бывшего командующего Северной армией расстреляли.

Восточный фронт

Вооружённое сопротивление большевикам в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке начало разворачиваться зимой 1918 года. В разных местах оно носило различный характер и осуществлялось под взаимоисключающими (монархическими, социалистическими, либерально-демократическими, националистическими и др.) лозунгами. В сочетании с другими факторами это привело в итоге к закономерному краху.

Хотя начало было ободряющим. В Уральске, например, местные казаки разогнали Совет рабочих, киргизских и крестьянских депутатов. И тут же учредили своё собственное Войсковое Правительство. В июне, отразив наступление красных и отбросив их к Саратову, казаки удерживали протяжённый фронт по линии Ершово-Новоузенск и далее на север к Бузулуку. В ознаменование успехов Войсковой Круг учредил награду — крест (орден) и медаль Святого Архангела Михаила.

Штампованный бронзовый крест диаметром 40 мм имел в медальоне изображение архангела, небесного покровителя уральского казачества, верхом на коне, прободающего копьём дракона. Прямые лучи креста украшали надписи: на верхнем — «за веру», на левом и правом — «отечество» и «Яикъ» (прежнее название реки Урал, упразднённое Екатериной II, искоренявшей таким образом память о Пугачёвском бунте, разгоревшемся как раз среди яицких казаков), на нижнем — «и свободу».

Тот же девиз, но только пущенный по кругу, и конную фигуру в центре получила Михайловская медаль. Впрочем, сведения о внешнем виде медали основаны исключительно на воспоминаниях — ни одного её образца не сохранилось.

Обе награды носились в колодке малинового цвета, символизирующего Уральское Казачье Войско, в форме которого присутствовали малиновые погоны, малиновые лампасы, малиновые верхи папах и околыши фуражек.

Реверс креста и медали был гладким, на нём гравировался номер награды.

Как прежде Георгиевского ордена, так теперь Михайловских наград можно было удостоиться только за военные заслуги.

Кресты и медали, чеканившиеся в Омске, долго не могли найти своих героев. Так, есаулу Петру Хорошину, ставшему первым кавалером креста в июне 1918-го, тот достался лишь осенью. Биография этого человека примечательна. В Первую мировую войну Хорошин командовал сотней 2-го Уральского казачьего полка, за отличия в боях получил три ордена. В белой армии дослужился до полкового командира, но тяжёлое ранение прервало его военную карьеру. Произведённый в полковники, Хорошин перебрался в Крым, откуда эвакуировался в 1920 году вместе с остатками разбитых врангелевцев. Вскоре он тайком вернулся на родину — сперва в Уральск, а затем в Саратов, где возглавил подпольную организацию из бывших офицеров. Дальше были разоблачение, суд и расстрел.

Любопытна история последних награждений. В конце февраля 1920-го, когда казачья Уральская армия практически перестала существовать, прижатая к Каспию и блокированная в форте Александровский, креста удостоились представители британской военной миссии, участвовавшие в отступлении, майор Ленокс Бретт О'Брайен, капитаны Сеймур Броклебанк и Алан Дуглас Седдон. О'Брайен, кроме того, был ещё и зачислен в казаки. Редкий случай! Сержанты Джеймс Биверс, Томас Делани и Джек Би заслужили по медали.

Однако английское правительство, не желавшее в то время портить отношения с Советами, запретило своим военнослужащим носить эти награды.

Борьба с красными на первых порах представляла собой партизанщину. В феврале 1918 года в Красноярске штаб-ротмистр Ямбургского уланского полка Эрвин Фрейберг сколотил вооружённую группу из кадет I Сибирского кадетского корпуса и гимназистов. Его отряд, получивший название Ачинского и впоследствии в качестве эскадрона влившийся в Сибирскую армию белых, действуя в районе Красноярск — Минусинск — Ачинск, доставлял красным массу хлопот, сковывал порой довольно значительные их силы. В сентябре того же года для чинов уже переформированного ачинского отряда был учреждён крест. Праобраз его — знак войсковой части Русской императорской армии, где прежде служил Фрейберг. В эмиграции ветераны-ямбуржцы на этом основании считали конно-партизанский отряд Фрейберга как бы продолжением своего полка.

Изящный белой эмали крест ачинцев имел восьмиконечную «мальтийскую» форму, позади него располагался терновый венец. Через красный медальон, окружённый сплошной лавровой ветвью, пущено вертикально вверх лезвие меча с золочёной рукоятью. Надписи на горизонтальных сторонах креста: «З.П.» и «1918» — дата первого боя отряда с красными. Крепился крест на левую

сторону груди в розетке бело-сине-красных национальных цветов России.

Враги большевиков неоднократно, хотя и безуспешно, пытались сорганизоваться, чтобы выступить на борьбу единым фронтом. Результатом одной из таких попыток стало Временное Всероссийское правительство, неофициально именовавшееся Директорией, образованное 23 сентября 1918-го в Уфе в результате достигнутого шаткого компромисса между политически разнородными силами — правыми эсерами (не приняв Октябрьскую революцию, они откололись от партии социалистов-революционеров), конституционными демократами и народными социалистами. Директория рассматривала себя в качестве преемницы свергнутого Временного правительства в Петрограде и констатировала, что «впредь до созыва Всероссийского Учредительного Собрания является единственным носителем верховной власти на всём пространстве государства Российского».

Среди того немногого, что успела осуществить Директория, было учреждение ордена «Освобождение Сибири». В объявленных Обществом художников и любителей изящных искусств Степного края условиях конкурса на дизайн награды особо подчёркивалось:

«Орден должен воплощать идею Возрождающейся России из смуты Гражданской войны. Символом возрождения могут быть мотивы, заимствованные из русских национальных сокровищ древней орнаментальной мистики и современных графически переданных аллегорий».

Из сокровищ мистики позаимствовали необычной формы и расцветки крест, получивший четыре степени и два варианта исполнения — военный (с казацкими шашками, скрещёнными позади креста) и гражданский (без шашек). Изготавливался он из золота (кроме 4-й степени) и малахита (тоже кроме 4-й, в которой малахит заменялся зелёной эмалью). В центре креста стояла дата: «1918» — год начала «освобождения Сибири». Лента ордена — бело-зелёная.

Награду утвердили, изготовили пробные образцы, но вручить никому не успели — поторопились с «возрождением из смуты». В ночь с 17 на 18 ноября правые эсеры, члены Директории, стремительно уезжавшей популярность, были арестованы в Омске казаками, и после тайного голосования сибирские министры вручили власть монархисту, адмиралу Колчаку.

Александр Колчак, в прошлом известный полярный исследователь и специалист по морскому минированию, объявил себя Верховным правителем России. На подконтрольной ему территории он восстановил многие законы и учреждения бывшей империи, не забыв и об упразднённой большевиками наградной системе. Правда, активировал её

лишь частично. Снова начались вручения орденов Святого Георгия и Святого Владимира, но только до 2-й степени включительно. С высшей степенью в условиях Гражданской войны адмирал решил повременить. Не награждал он этими степенями двух главных русских боевых орденов ещё и по той причине, что прежде это было исключительной прерогативой монарха. Зато «нижестоящий» орден Святой Анны всех степеней и Георгиевские солдатские кресты выдавались без ограничений.

А вот от польских орденов — Святого Станислава и Белого Орла — Колчак, кавалер «Станислава» 2-й (за Порт-Артур) и 1-й степеней (за успешное командование на Балтике в 1914–1916 гг.), предпочёл вообще отказаться.

Битвы 1919 года, начавшиеся молниеносными успехами колчаковских армий, закончились их поражением. 27 декабря эшелоны, забитые эвакуировавшимися на Дальний Восток солдатами, гражданским населением и золотом (в наследство адмиралу досталось то, что на тот момент сохранилось от золотого запаса Российской империи и было захвачено у большевиков в Казани летом 1918 г.), остановили под Нижнеудинском чехословаки, контролировавшие Транссиб. Паровозы тут же отцепили и угнали.

Нам, любящим провести каникулы в сказочной рождественской Праге, не следует забывать о роли чехов в Гражданской войне. В апреле 1917-го из них и словаков — пленных солдат вражеской австро-венгерской армии — был сформирован корпус, позднее развёрнутый в армию. Воевать «братья-славяне» особенно не рвались и после заключения Брестского мира предпочли удрать в Поволжье и Сибирь — подалее от немцев, в нарушение договорённости с Советами продолжившими движение на восток. Им выделили эшелоны для переброски в Приморье, оттуда корабли Антанты должны были доставить их во Францию. Но в мае 1918-го чехословаки испугались, что после сдачи оружия снова попадут в лагерь. Их отряды, разбросанные по всему Транссибу, взбунтовались и свергли советскую власть вплоть до Владивостока, а затем соединёнными силами двинулись на запад, захватили Екатеринбург, Симбирск, Казань.

7 августа в Казани добычей чехословацких легионеров едва не сделался золотой запас России — 657 миллионов рублей в золотых монетах (около 330 миллионов долларов по тогдашнему курсу), кредитные билеты, платина, драгоценности. Но тогда его почти целиком успела эвакуировать Народная армия Владимира Каппеля (почти целиком, потому что нескольких миллионов белые всё-таки недосчитались). Вскоре после того легионеры отказались от участия в боях с регулярной Красной армией и занялись тыловыми карательными операциями против партизан, для чего опять рассредоточились по Транссибу.

...Когда начальник французской военной миссии при колчаковском правительстве генерал Морис Жанен, которому фактически подчинились легионеры, натолкнулся на резкий отказ Колчака выдать золото, он сдал адмирала его давним врагам эсерам, на короткое время захватившим власть в Иркутске. Трагическую развязку ускорила ставшая известной телеграмма Верховного правителя во Владивосток с приказанием тщательно досматривать имущество покидающих Россию чехов. Эсеры и чехи, в свою очередь, передали пленника большевикам вместе с большей частью золота, купив тем самым помилование для первых и билет домой для вторых. Сколько чехи при этом прикарманили, остаётся загадкой. Но известно, что вернувшиеся на родину легионеры основали собственный Легиабанк — один из крупнейших банков Чехословакии.

А брошенные без паровозов в сибирских снегах эшелоны стали могилами на колёсах для тысяч русских людей...

В ночь с 6 на 7 февраля 1920 года адмирал Колчак был расстрелян по решению большевистского Иркутского военно-революционного комитета. Спустя четыре дня принявший командование остатками разгромлённых колчаковцев генерал-майор Сергей Войцеховский «в воздаяние исключительных опасностей и трудов, понесённых войсками Восточного фронта в беспримерном походе с берегов Иртыша за Байкал» учредил награду — знак отличия военного ордена «За Великий Сибирский поход», скопированный с другого, более известного знака отличия 1-го Кубанского (Ледяного) похода, разговор о котором впереди.

Награда имела две степени: 1-я на Георгиевской ленте — для всех участников сражений, и 2-я — для совершивших поход, но в боях не принимавших участия, на ленте ордена Святого Владимира.

Сбежавший тигр

Русским золотом, спасаемом белыми от большевиков, успели поживиться не только чехословаки. На один из эшелонов, застрявших в Чите, наложил тяжёлую лапу казачий атаман, два года бывший полновластным хозяином этого края, — Григорий Семёнов.

Это была в своём роде героическая личность. Уроженец Забайкалья, в двадцать четыре года он уже стал кавалером ордена Святого Георгия 4-й степени: в ноябре 1914-го под Варшавой хорунжий Семёнов с казаками отбил у немцев знамя своего 1-го Нерчинского полка и обоз Уссурийской бригады, в которую входил полк. Два года спустя он удостоился другой почётнейшей награды — Георгиевского оружия.

Служивцем Семёнова был Роман фон Унгерн-Штенберг, с которым его не раз в дальнейшем сводила судьба, а полковым командиром —

Пётр Врангель, будущий белый вождь. Вот как отзывался впоследствии Врангель о своём подчинённом:

«Семёнов, природный забайкальский казак, плотный коренастый брюнет, ко времени принятия мною полка, состоял полковым адъютантом и в этой должности прослужил при мне месяца четыре, после чего был назначен командиром сотни. Бойкий, толковый, с характерной казацкой смёткой, отличный строевик, храбрый, особенно на глазах начальства, он умел быть весьма популярным среди казаков и офицеров. Отрицательными свойствами его были значительная склонность к интриге и неразборчивость в средствах для достижения цели. Неглупому и ловкому Семёнову не хватало ни образования (он кончил с трудом военное училище), ни широкого кругозора, и я никогда не мог понять, каким образом мог он выдвинуться впоследствии на первый план гражданской войны».

Не всё в этой характеристике справедливо. Образование Семёнов получил первоначально и, правда, домашнее, но среди книг, хранившихся в сундуках его отца, были, например, буддистские сочинения, знакомством с которыми и теперь-то немногие могут похвастать. Кроме бурятского и монгольского, он владел ещё и английским языком. В юности интересовался археологией и палеонтологией, даже принимал участие в научной экспедиции для пополнения экспозиции Читинского краевого музея, занимавшейся раскопками в окрестностях его родной Куранджи.

Неширокого кругозора Семёнову хватило, однако, чтобы увидеть, к чему всё покатило в армии после Февральской революции (монархистом, кстати сказать, он никогда не был). Его докладная записка на имя военного министра Керенского с предложением сформировать конный полк из бурят и монголов, чтобы «пробудить совесть русского солдата, для которого живым укором были бы эти инородцы, сражающиеся за русское дело» возымела действие: летом 1917-го молодого есаула назначают комиссаром Временного правительства в Забайкалье.

Случилось так, что Семёнов одним из первых поднял оружие против новой, послеоктябрьской власти. Распознав в классово чуждом казаке врага, читинские большевики попытались арестовать его. Но Семёнов бежал через границу в Маньчжурию, пополнил и вооружил свой Особый маньчжурский отряд за счёт распущенных им частей, охранявших КВЖД, и в конце января вторгся в восточную часть Забайкалья, Даурию. Красные немедленно мобилизовали все силы. Возник первый из фронтов Гражданской войны — Даурский (командующий Сергей Лазо).

Успех вначале не сопутствовал Семёнову. В марте ему пришлось отступить. Однако в апреле он

вновь перешёл границу и, присоединяя по пути казаков, восставших против советской власти, двинулся к Чите.

Взять город в тот раз не удалось. Но отброшенный в Маньчжурию Семёнов не оставил своих попыток. Теперь, когда он сделался атаманом, имел в подчинении генералов и штаб-офицеров, Антанта, ставившая себе целью отторгнуть от России Сибирь и Дальний Восток, сделала на него серьёзную ставку.

28 августа казаки Семёнова всё-таки захватили Читу.

Отношения с пришедшим к власти в Омске адмиралом Колчаком у него с самого начала не сложились. Колчак был сторонником строгой дисциплины, а Семёнов — казачьей вольницы. Последний не признал первого как Верховного правителя России, первый формально сместил последнего со всех должностей. Конфликт удалось несколько замять лишь в начале 1919-го. Весной атамана назначили командиром корпуса, которым, впрочем, именуя это соединение Отдельной Восточно-Сибирской армией, он уже командовал и так, без всяких назначений, а летом произвели в генерал-майоры. Но воевать под началом Колчака в Поволжье и на Урале, где в то время решалась судьба всего белого востока, Семёнов не стал. Что же, кроме честолюбия, удерживало его на месте? Собственные бандиты, бесчинствовавшие в Чите и по всему Забайкалью.

Семёновские казаки обожали пороть нагайками. До смерти. После двухсот ударов их жертва обычно расставалась с жизнью. Пьяные вояки (сам атаман, чья мать была из старообрядческой семьи, спиртного, кажется, не употреблял) рубили шашками головы первым встречным, просто ради потехи. Женщин насиловали.

Против атамана и его шайки свидетельствовали и те, кто был с ними вроде бы по одну сторону фронта. Так, начальник Читинской областной тюрьмы доносил в сентябре 1918 года Временному Сибирскому правительству о том, как около сорока вооружённых семёновцев, явившихся в тюрьму ночью, потребовали выдать им содержащихся в камерах большевиков. Когда тюремщик подчинился и открыл камеры, арестованных забрали и увезли в штаб отряда, где пытали и убили всех.

Один из ближайших сподвижников атамана дал на суде в 1946 году следующее показание о семёновских подручных: «...Об Унгерне ходили легенды. Он был очень жесток. Не щадил ни женщин, ни детей. По его приказанию уничтожалось население целых деревень. И сам он лично с наслаждением расстреливал обречённых на смерть. Таким же жестоким был и начальник особой карательной дивизии генерал Тирбах. Штаб его дивизии находился в местечке Маккавеево. Там Тирбах и вершил свой скорый и страшный суд. Однажды

насилственно мобилизованные казаки, не желая служить Семёнову, убили своих офицеров и перешли к партизанам. Вскоре в их станицу прибыл отряд Чистохина. Были собраны все старики. Их запрягли в сани и приказали везти убитых офицеров на кладбище. Там стариков расстреляли, а станицу сожгли».

Вот для кого был установлен атаманом крест «За храбрость» на Георгиевской ленте. Он представлял собой практически точную копию Георгиевского креста, только на лицевой стороне на верхней его части было помещено изображение солнца в лучах, на левой и правой по букве «О», на нижней «М». Вместе это означало «Особый маньчжурский отряд».

Имелась и медаль с тем же названием, конным Георгием, солнцем. И надпись «Особый маньчжурский отряд» по ободку.

Одновременно возник и знак отряда, с двуглавым орлом без корон, держащим в лапах змею, атаманским вензелем «АС» на груди у птицы и датой «1917», разнесённой по две цифры на каждое крыло. К двадцатилетию отряда в 1937 году был выпущен вариант этого знака с добавлением внизу трёхцветного бело-сине-красного щита и датой на нём «1937».

Впрочем, играли в «казаки-разбойники» не только семёновцы.

В октябре белогвардейский генерал Павел Иванов-Ринов так охарактеризовал положение на Дальнем Востоке:

«Хабаровск, Нижний Амур и железная дорога Хабаровск—Никольск заняты атаманом Калмыковым, которого поддерживают японцы, за что Калмыков предоставляет им расхищать неисчислимые ценности Хабаровска. Японцы в свою очередь предоставляют Калмыкову открыто разбойничать, именно: разграбить хабаровский банк, расстреливать всех, кого захочет, смещать и назначать начальников окружных управлений Хабаровска и осуществлять самую дикую диктатуру».

О Семёнове же генерал выразился так:

«Семёнов, поддерживаемый также японцами, хотя и заявляет о своей лояльности в отношении командного состава и правительства, позволяет своим бандам также бесчинствовать в Забайкалье, именно: реквизировать наши продовольственные грузы, продавать их спекулянтам, а деньги делить между чинами отрядов».

Среди остановленных и ограбленных семёновцами эшелонов был и состав с сорока двумя миллионами золотых рублей. Одну часть добычи атаман потратил на своё войско, а другую (1,5 тонны золота в 33 ящиках) передал своим непосредственным хозяевам, японцам, которые впоследствии присвоили всё это золото.

И всё-таки именно Семёнову разгромлённый и преданный всеми Колчак вручил то, что ещё

оставалось от белой Сибири. В указе Верховного правителя России от 4 января 1919 года говорилось:

«Ввиду предершения мною вопроса о передаче верховной всероссийской власти Главнокомандующему Вооружёнными силами Юга России, Генерал-Лейтенанту Деникину, впредь до получения его указаний, в целях сохранения на нашей Российской Восточной Окраине оплота Государственности, на началах неразрывного единства со всей Россией:

Предоставляю Главнокомандующему вооружёнными силами Дальнего Востока и Иркутского Военного Округа Генерал-Лейтенанту Атаману Семёнову всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной Окраины, объединённой Российской верховной властью.

Поручаю Генерал-Лейтенанту Атаману Семёнову образовать органы Государственного Управления в пределах распространения его полноты власти».

Это легитимизировало и продлило поддержанное японцами антибольшевистское сопротивление в Забайкалье ещё на некоторое время. Но когда Япония, побеждённая красными на дипломатическом фронте, вывела свои войска, дни казачьей волиньцы были сочтены. 22 октября пала Чита. Семёнов, некогда напомнивший английскому полковнику «тигра, готового прыгнуть, растерзать и разорвать», герой Первой мировой, в одиночку напавший на дюжину врагов, чтобы отбить пленного казака, теперь бросил всех и бежал из Читы на аэроплане.

Там в августе 1945-го, после разгрома советскими войсками японской Квантунской армии, он и был арестован.

В ходе заседания Военной коллегии Верховного суда СССР на вопрос государственного обвинителя: «Применялись ли расстрелы населения?»— Семёнов ответил: «Применялись». На вопрос: «Много расстреляли?»— «Я не могу сейчас сказать, какое количество было расстреляно, так как непосредственно не всегда присутствовал при казнях». На вопрос: «Много или мало было расстреляно?»— «Да, много». На вопрос: «А другие формы репрессий вы применяли?»— «Сжигали деревни, если население оказывало нам сопротивление».

30 августа 1946 года Григорий Семёнов был повешен.

Вооружённые силы юга России

В середине лета революционного 1917-го, после провала русского наступления стало ясно, что войны до победного конца не будет. Собственно говоря, боеспособная армия существовала уже только в воображении министров Временного правительства, успевших заранее раструбить о грядущих победах революционного оружия. Уходящим на дно истории политическим корифеям

Февраля приходилось хвататься за любую соломинку.

Переданные по телеграфу первые сообщения о прорыве ударными батальонами австро-германских позиций обнадёживали. Но за ударниками практически не продвигалась вперёд основная масса войск. Части и соединения, игнорируя приказы, от кого бы и в какой форме те ни исходили, не трогались с места. В ряде случаев дошло до самоубийственного безумия: свои обстреливали своих, препятствуя атаковать врага.

Хотя на некоторых участках огромного фронта, особенно на Юго-Западном, противник был опрокинут и отброшен, эти успехи не стоило переоценивать. Перегруппировавшись и перебросив значительные силы из Франции, где союзники России по Антанте не вели активных боевых действий, немцы нанесли мощные контрудары, которые чуть не привели к полной катастрофе. Там, где перед врагом оказывались полки и дивизии, остававшиеся таковыми лишь по названию, русский фронт откатывался или таял, как утренний туман. Характерный эпизод: атаки трёх немецких рот было достаточно, чтобы две дивизии 9-й армии пустились в паническое бегство.

Эхом военного поражения стали беспорядки в столице, спровоцировавшие неподготовленный мятеж — вооружённое выступление новоназначенного Верховного главнокомандующего Лавра Корнилова в защиту последних остатков государственного порядка.

Мятеж был моментально подавлен, Корнилов и ещё несколько видных генералов арестованы. Бесновавшийся в Петрограде Александр Керенский, казалось, укрепил личную власть, объявив самого себя главноверхом. На деле же он обезглавил армию и собственными руками устранил единственную преграду, мешавшую оппозиционному Петросовету взять власть в стране.

Реальность такой угрозы была вполне очевидна начальнику штаба Ставки генералу Михаилу Алексееву. Но именно его и вынудили на месте усмирить Корнилова. С тех пор между двумя генералами, что называется, пробежала кошка. Доверие было подорвано и это сказалось впоследствии на общем их деле.

В то же время Алексеев сам начал тайком готовить почву для создания силы, способной оказать сопротивление большевикам. Но генерал опоздал и членам т. н. Алексеевской организации после известных событий в Петрограде было приказано на свой страх и риск пробираться в казачьи области Юга России, где Алексеев рассчитывал получить поддержку. В ноябре в Новочеркасск прибыл он сам. К его досаде, тут ничего ещё не было готово к серьёзной борьбе.

Казачи в основной массе идти против новой власти не собирались. Они вообще не хотели

больше браться за оружие. Их несложно понять: тяжёлое и кубанское казачество понесло слишком тонкие потери в войне и теперь жаждало мира. Кроме того, многие казаки всё ещё находились вдали от дома, на фронте. Войсковой атаман Алексей Каледин, хотя и сочувствовал зарождавшемуся белому делу, рекомендовал генералу Алексееву и его сторонникам вести себя на Дону как можно тише, а лучше всего поскорее покинуть слабо контролирующуюся им область.

Ещё один неприятный сюрприз преподнесла буржуазия, ранее тайно обещавшая Алексееву широкое финансирование. В итоге тем из добровольцев, кому с немалым трудом удалось достичь Дона (некоторые были перехвачены в пути и расстались с жизнью), пришлось туго затянуть пояса.

Правда, в декабре среди них появился бежавший из заключения Корнилов и вдохнул некоторый оптимизм в упавших духом соратников. Он принял командование слабой (примерно 4 тыс. штыков и сабель) Добровольческой армией и перебазировал её в Ростов. Здесь «на отдыхе» находилось более 16 тыс. офицеров. Вся эта масса вела себя так, словно ей никто и ничто не угрожает.

23 февраля красные выбили добровольцев из города и несколькими расстрелами вернули оставшихся в живых к суровой действительности.

Ещё через день отряды командующего Северным участком советского Юго-Восточного фронта бывшего царского прапорщика Юрия Саблина («Юрка Саблин, — командующий войсками! Двадцатилетний мальчишка, специалист по экзюоку, конфетно-хорошенький...») — писал о нём в дневнике Иван Бунин) заняли Новочеркасск. Каледин, сумевший наскрести со всего Дона всего полторы сотни сабель, видя вокруг полнейшую деморализацию, покончил с собой. Часть казаков, ведомых походным атаманом Петром Поповым, бежала в Сальские степи, на расположенные там зимовки, чтобы какое-то время отсидеться в относительной безопасности, поскольку красноармейцы в казачьем краю предпочитали не удаляться от железных дорог.

Участники Степного похода приказом атамана Попова от 26 апреля 1918 года были награждены железным крестом полукруглого профиля, без надписей на аверсе. На плоской оборотной стороне была гравировка: «За степной поход 1918 г.», даты «12/II—5/V» и номер знака.

Носился казачий Степной крест на Георгиевской ленте.

А для предоставленных собственной участи добровольцев в условиях плохой погоды и мартовского холода начался восьмидесятидневный 1-й Кубанский (Ледяной) поход. В ходе него офицеры и примкнувшие юнкера и гимназисты продемонстрировали высокий боевой дух, малым числом побеждая плохо организованные советские

отряды. Но добиться поставленной цели — утвердиться на изобильной Кубанщине — им не удалось: красные уже успели занять Екатеринодар и отразили штурм, окончившийся гибелью Корнилова.

Генерал был убит случайной гранатой — чуть ли не единственной, прилетевшей со стороны города. Командующего похоронили в близлежащей немецкой колонии Гначбау, не подумав о последствиях. Когда Добровольческая армия ушла, красные, выискивавшие зарытые колонистами «сокровища», раскопали могилу Корнилова, погрузили тело генерала в повозку, отвезли в Екатеринодар и там устроили зверское надругательство.

«В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина на Соборной площади, где проживали главы советской власти... Двор был переполнен красноармейцами; ругали генерала Корнилова. Отдельные увещания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогли; настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы вывезли на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель...

Появились фотографии; с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая раздиралась на части, и обрывки разбрасывались кругом. Несколько человек оказались на дереве и стали поднимать труп. Но верёвка оборвалась — и тело упало на мостовую. Толпа всё прибывала, волновалась и шумела.

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Наконец отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Труп был неизвестно кем представлен из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю. Тело было привезено на городские бойни, где, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти, прибывших на это зрелище на автомобилях.

В один день не удалось докончить эту работу: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растаптывали ногами и потом опята жгли».

Кроме этого описания, в материалах деникинской Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков сохранились сделанные в тот день фотоснимки мёртвого Корнилова, даровитого военачальника, георгиевского кавалера.

Особенно удивляться, впрочем, не приходится: с первых дней Гражданской войны зверство стало нормой для обеих воюющих сторон. Казаки рубили головы или секли до смерти, а между господами офицерами никогда не наблюдалось недостатка в охотниках собственноручно «пустить в расход».

Для полноты картины следует отметить, что советская историография эпизод с глумлением над телом Корнилова не отрицала и оправдать его не пыталась, а командарм Иван Сорокин, принявший личное участие в посмертной расправе над белым генералом, осенью того же года был смещён со своего поста, объявлен вне закона, пойман и застрелен бывшими «своими»...

Командование добровольцами вместо Корнилова принял генерал Антон Деникин. Он повёл их обратно на Дон, где между тем кардинально изменилась ситуация: казачество, разозлённое репрессивной политикой советской власти, восстало.

В августе 1918 года Деникин своим приказом установил для первопоходников знак, чрезвычайно ими ценившийся, — терновый веночек из оксидированного серебра, 30 мм в диаметре, пересечённый по диагонали слева направо и снизу вверх серебряным мечом. Сражавшимся в строю лента в колодке знака полагалась Георгиевская, с круглой розеткой бело-сине-красных национальных цветов. Нестроевым и гражданским чинам — Владимирская (красная с двумя чёрными полосами), тоже с трёхцветной розеткой.

Всего было изготовлено 5 тыс. экземпляров знака (знаком №1 посмертно наградили Корнилова), из которых несколько сотен осталось невостребованными (погибшие просто не могли его получить). Любопытна их судьба. Вывезенные из России, знаки были утоплены в 1944 году в Дунае эвакуировавшимися из Белграда ввиду приближения советских войск членами Союза участников 1-го Кубанского похода — лишь бы не достались большевикам.

Дроздовцы и марковцы

Корнилов, Деникин, Врангель, Кутепов, Марков, Дроздовский — вот имена, которыми, сложись всё иначе, гордилась бы Россия. Увы, талант этих руководителей в сюр, талантливых военачальников, патриотов, людей высокого личного мужества, оказался востребован там, где оригинальная стратегическая мысль, молодечество на поле боя, честь офицера и любовь к Родине были обгарены братской кровью. Вместо славы на их долю выпали проклятия, не всегда заслуженные, и ложь, которая хуже любой правды.

Общую участь со своими командирами разделили «цветные» части 1-го армейского корпуса добровольцев — корниловцы, марковцы, алексеевцы и дроздовцы. Известный пример — т. н. психическая атака из кинофильма «Чапаев» (1934). Киноинтерпретация биографии легендарного (вот точное слово!) советского комдива режиссёрами Георгием и Сергеем Васильевыми (на самом деле они были не братьями, а однофамильцами), как и её литературный первоисточник, роман Фурманова, вообще грешит неточностями. Не умаляя

достоинства актёрских работ Бориса Бабочкина и Леонида Кмита, надо признать, что фильм создавался в первую очередь как пропагандистская поделка.

Это в полной мере относится к знаменитой сцене «психической атаки». Тут перемешано всё. Начать хотя бы с того, что части 1-го Волжского армейского корпуса генерала Владимира Каппеля никогда не сходились в бою с 25-й Чапаевской дивизией. Затем, в отличие от реальных каппелевцев, киношные «хорошо идут» (выражение одного из героев фильма) почему-то под знаменем корниловцев, воевавших совсем на другом фронте. Да ещё и в форме марковцев 1-го Офицерского полка Добровольческой армии.

И вот результат—собирабельный образ холёной белогвардейской «контры».

Но при ближайшем рассмотрении образ этот рассыпается. Корниловцы, например, были сторонниками республиканского строя, марковцы сочувствовали правым эсерам, в их присутствии какой-нибудь перетрусивший бывший уездный предводитель дворянства, какой-нибудь Ипполит Матвеевич Воробьянинов, запевший «Боже, царя храни!», мог лишиться головы, не допев и первого куплета. Иное дело дроздовцы—те были отъявленными монархистами.

...После Февральской революции Русская армия не везде разваливалась с одинаковой быстротой. Местами, а именно там, где случайно оказывались добросовестные офицеры, способные в решительную минуту проявить необходимую твёрдость к распоясавшейся солдатне, какое-то время ещё удавалось поддерживать в войсках относительный порядок. На общем фоне падения дисциплины Румынский фронт, как один из наиболее удалённых от Петрограда, главного рассадника смуты и мятежа, выглядел не так уж плохо. Заслуга в том отчасти принадлежала Михаилу Гордеевичу Дроздовскому.

Будущий белый генерал родился в 1881 году в Киеве. Дворянская фамилия Дроздовских дала России много служилых людей, бившихся и со шведами, и с турками, и с французами, и с кавказскими горцами. Образованием ребёнка занимался вначале его отец, генерал-майор, ветеран Севастопольской обороны. Затем его определили в киевский Владимирский кадетский корпус, позже—в Павловское военное училище в Петербурге. Последнее славилось суровой дисциплиной. Но не следует делать из этого вывод, будто юнкеров муштровали там до состояния автоматов. Да, возражения не поощрялись, и Дроздовского, например, за упорную склонность противоречить всему, что, в свою очередь, противоречило здравому смыслу или задевало честь, не раз наказывали карцером. Но вот отчислить бузотёра не позволяла его отличная успеваемость.

В 1901 году в чине подпоручика Дроздовский был выпущен в гвардию, в Волынский Его Величества полк. Дальше—Николаевская академия Генштаба, кузница русских полководцев. Тут он опять проявил характер—с первого курса, не воспользовавшись полагающейся слушателю академии «бронью», отправился на Русско-японскую войну. В рядах 1-го Сибирского корпуса сражался в Маньчжурии, был ранен, награждён орденами Святой Анны 4-й степени, с надписью «За храбрость», «Станиславом» 3-й степени, с мечами и бантом, а после войны удостоился ещё и 3-й степени «Святой Анны».

Вполне естественно, что с самого начала Первой мировой войны он из фронтового штаба рвался на передовую. Орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Золотым Георгиевским оружием были отмечены его подвиги на поле брани. В сентябре 1916-го, лично поведя полки в атаку, Дроздовский получил тяжёлое ранение. И что же? Не вполне оправившись (правая рука его так навсегда и осталась полупарализованной), он добился возвращения на фронт уже в январе следующего года. И снова попал в дивизионный штаб. Только в апреле 1917-го, в чине полковника принял командование боевой частью—60-м Замосквичским пехотным полком.

Но ни долгожданное назначение, ни представление к высоко почитавшемуся им ордену Святого Георгия не могли сгладить впечатления, произведённого на верноподданного монархиста отречением императора и Февральской революцией. Вот характерная запись в его дневнике:

«Теперь положительно ни за один день нельзя положиться, и с создавшейся у нас демагогией каждый день можно ждать какой-нибудь грандиозной боевой катастрофы... В общем перспективы очень грустные, резко упала дисциплина под влиянием безнаказанности, и впредь многого рисуетя в мрачных тонах».

А это запись, сделанная в ноябре того же года: «Ещё 20-го получил Георгиевский крест по давнишнему представлению—единственный орден, к которому я никогда не был равнодушен... а между тем у меня теперь никакой радости в сердце, насколько не стало легче на душе от этого маленького белого крестика...».

Через несколько дней Дроздовского назначают командиром 14-й пехотной дивизии. Но Русской армии уже фактически не существует: просто руководству вот-вот готового самоликвидироваться Румынского фронта потребовался благовидный предлог для вызова Дроздовского в Яссы, где располагался фронтовой штаб, на совещание относительно дальнейших действий.

Участники совещания так и не пришли к общему мнению. Действительное следствие встречи было только одно: из меньшинства офицеров,

объединившихся вокруг Дроздовского, возникло активное ядро. Немедленно началась запись в 1-ю бригаду корпуса русских добровольцев, которая к началу 1918-го года насчитывала уже несколько сотен штыков, имела собственную артиллерию и бронемашину.

Каждый поступающий в бригаду давал подписку следующего содержания:

«Я, поступаю добровольно в Национальный Корпус Русских Добровольцев, имеющий целью воссоздание порядка и организацию кадров по воссозданию российской армии, причём за всё время пребывания в Корпусе обязуюсь:

1. Интересы Родины ставить превыше всех других, как-то — семейных, родственных, имущественных и пр. Поэтому защищать с оружием в руках, не жалея своей жизни, родину, жителей её без различия классов и партий — и их имущество от всякого на них посягательства.
2. Не допускать разгрома и расхищения каких бы то ни было складов.
3. Всюду стоять на страже порядка, действуя против нарушителей всеми способами до применения оружия включительно.
4. Быть внепартийным, не вносить и не допускать в свои ряды никакой партийной розни, политических страстей, агитации и т. д.
5. Признавать единую волю поставленных над мною начальников и всецело повиноваться их приказам и распоряжениям, не подвергая их обсуждению.
6. Всюду строго соблюдать правила дисциплины, подавая собою пример окружающим.
7. Безропотно и честно исполнять все обязанности службы, как бы ни тяжелы временами ни были.
8. Не роптать, если бы случайно оказался недостаток обуви, одежды, пищи или она оказалась бы не вполне доброкачественной.
9. Также не роптать, если бы оказались неудобства расквартирования, как-то: теснота, холод, грязь и пр.
10. Не употреблять спиртных напитков и в карты не играть.
11. Без разрешения своих начальников от своих частей не отлучаться.
12. В случае неповиновения, дезертирства, восстания, агитации против дисциплины подлежу наказанию по всей строгости законов военного времени».

Хотя в подписке говорилось о внепартийном характере добровольчества, соратники Дроздовского

втайне создали параллельную структуру, куда принимались исключительно лица монархических убеждений.

Целью 1-й бригады (около 1000 бойцов в конце февраля 1918-го), как и 2-й, формировавшейся одновременно с нею в Кишинёве (приблизительно равной по численности), и 3-й, только намеченной к созданию в Белграде, было соединение с Добровольческой армией генералов Корнилова и Алексея.

Однако вынужденный уход добровольцев с Дона оборвал их связь со штабом Румынского фронта и сбитое с толку руководство последнего, посчитав дальнейшие усилия бесполезными, распустило обе уже набранные бригады.

Кишинёвское соединение генерал-лейтенанта Юлиана Белозора тотчас перестало существовать. Но Дроздовский был сделан из другого теста. Он не подчинился приказу фронтового штаба и в марте двинул бригаду на свой страх и риск к Дону. Для этого пришлось преодолеть сопротивление румынского правительства, только что заключившего сепаратный мир с Центральными державами, и противодействие киевских сепаратистов, заявивших притязания на причерноморские русские губернии, через которые пролегал кратчайший путь из Бессарабии в казацкие области Дона и Кубани.

26 февраля румыны даже попытались с оружием в руках воспрепятствовать готовящемуся передвижению русских добровольцев по железной дороге. Они ссылались при этом на нейтралитет соседней Украины. Дроздовский не дал втянуть себя в политическую дискуссию и ответил ультиматумом:

«При первых враждебных действиях город Яссы и королевский дворец могут быть жестоко обстреляны артиллерийским огнём».

Угроза подействовала. Бывшие союзники ещё и сами подогнали русским несколько порожних поездов.

4 марта дроздовский отряд сосредоточился в Дубоссарах, откуда выступил на третий день, 15-го переправился через Южный Буг у Александровки, 28-го перешёл Днепр у Бериславля и 3-го апреля занял Мелитополь, где удалось обзавестись обувью и пошить кое-какое обмундирование. Там же нашлись блиндированная железнодорожная платформа и мотоциклы для двух составленных тут же мотоциклетных команд. В других местах добровольцы позаимствовали оружие, боеприпасы и лошадей. В качестве трофеев им достались автомобили и даже пара аэропланов.

Наконец, 21 апреля, совершенно ошеломив красных, дроздовцы ворвались в Ростов, бывший на тот момент столицей Донской Советской Республики и занятый сильным гарнизоном (12 тыс.

красноармейцев, не считая мобилизованных рабочих). Красные укреплялись тут в ожидании наступавшей в глубь России кайзеровской армии.

Стремительной ночной атакой белым удалось захватить вокзал и прилегающие к нему улицы. Советское руководство в панике начало покидать город, но утром следующего дня со стороны Новочеркасска прибыло подкрепление. Пользуясь численным перевесом, при огневой поддержке двух гаубичных батарей и шести батарей полевой артиллерии, прикрытые огнём двух бронепоездов, а со стороны реки поддержанные залпами орудий с парохода «Колхида», 28 тысяч бойцов 39-й дивизии и Латышской стрелковой бригады пошли в атаку.

На глазах у подошедших немцев отряд добровольцев отступил из Ростова.

Ситуация выглядела безнадежной, когда в ночь с 23 на 24 апреля в селении Крым Дроздовский получил сообщение от восставших донских казаков с просьбой о помощи. Подтвердилась гибель генерала Корнилова под Екатеринодаром, но главное — стало известно, что Добровольческая армия возвращается в область Войска Донского.

Ростовская авантюра дроздовцев доставила белым и неожиданный профит: казаки, воспользовавшись отвлечением основных сил красных от Новочеркасска, налетели на войсковую столицу и отбили её. Правда, сразу же им пришлось выдержать сильнейший натиск опомнившегося противника.

В тяжёлый момент боя донцы уже были готовы пуститься наутёк, как вдруг разнеслась весть, что отряд Дроздовского близко. И вот загремели вдали орудия добровольцев и броневик «Верный», сопровождавший «дроздов» во время всего их похода из Ясс, въехал прямо в толпу стоявших в резерве красноармейцев, открыв ураганную стрельбу. Ободренные казаки контратаковали, опрокинули врага и преследовали, избивая, на расстоянии пятнадцати вёрст.

Вечером 25 апреля дроздовцы вступили в Новочеркасск. Двухмесячный 1200-вёрстный поход завершился.

Вот что в связи с этим говорилось в приказе по отряду:

«Пусть же послужит нам примером, что только смелость и твёрдая воля творят большие дела и что только непреклонное решение даёт успех и победу... Ещё много и много испытаний, лишений и борьбы предстоит нам впереди, но в сознании уже исполненного большого дела с великой радостью в сердце приветствую я вас, доблестные добровольцы, с окончанием вашего исторического похода».

Дроздовский отказался от сотрудничества с командующим Донской армией атаманом Петром Красновым, считая неприемлемыми его симпатии

к немцам, и выехал в станицу Мечётинскую на встречу с деникинским штабом. В результате 12 мая 1918 года отряд, значительно пополнившийся в Новочеркасске, был включён в состав Добровольческой армии под наименованием 3-й пехотной бригады, развёрнутой затем в полноценную дивизию.

Согласно приказу главнокомандующего все юнкера и кадеты старших возрастов, пришедшие на Дон вместе с Дроздовским, наряду с участниками Ледяного похода производились в офицеры. Другим приказом от 25 ноября 1918 года была учреждена для них особая, серебряная, овальной формы медаль. Носить её полагалось на ленте цветов российского триколора, левее всех степеней Георгиевского креста и Георгиевской медали и правее других знаков отличий.

Две ветки на аверсе — справа дубовая, «символ непоколебимого решения», слева лавровая, «символизирующая решение, увенчавшееся успехом» — обрамляют выпуклым рисунком, на нём под скрещёнными мечами представлена «Россия в виде женщины в древнерусском одеянии, стоящей с мечом в протянутой правой руке над обрывом, и на дне его и по скату группа русских войск с оружием в руках, взбирающаяся к ногам женщины и олицетворяющая стремление к воссоединению Единой, Неделимой, Великой России. Фон рисунка — восходящее солнце...» (сочная цитата взята из классического труда П. Пашкова «Ордена и знаки отличия гражданской войны 1917–1922 годов», изданного в 1961 году в Париже).

Новые победы добровольцев заставили страны Антанты в конце концов поддержать Белое движение. Через черноморские порты начали прибывать оружие, боеприпасы, военная амуниция. Дроздовцам были прислана их форма — малиновые фуражки с белым окольшем и малиновые же погоны с белой опушкой и жёлтой литерой «Д». Появился у них и собственный марш.

Из Румынии походом
Шёл Дроздовский славный полк,
Во спасение народа,
Исполняя тяжкий долг.

Много он ночей бессонных
И лишений выносил,
Но героев закалённых
Путь далёкий не страшил!

Генерал Дроздовский смело
Шёл с полком своим вперёд.
Как герой, он верил твёрдо,
Что он Родину спасёт!

Видел он, что Русь Святая
Погибает под ярмом
И, как свечка восковая,
Угасает с каждым днём.

Верил он, настанет время,
И опомнится народ—
Сбросит варварское бремя
И за нами в бой пойдёт.

Шли Дроздовцы твёрдым шагом,
Враг под натиском бежал.
Под трёхцветным Русским Флагом
Славу полк себе стяжал!

Пусть вернёмся мы седые
От кровавого труда,
Над тобой взойдёт, Россия
Солнце новое тогда!

Припев такой:

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда!
Офицерские заставы
Занимали города!
Офицерские заставы
Занимали города!

Ничего не вспоминается? Ну конечно, «партизанские отряды занимали города»!

Кое-где в сетевых публикациях можно прочитать, что песню «По долинам и по взгорьям» красные заимствовали у белых. Но тут с плагиатом не всё так просто.

Первоначально, ещё в годы Первой мировой войны, на текст «Марша Сибирских стрелков», принадлежащий перу не абы кого, а самого Дяди Гиляя (Владимира Алексеевича Гиляровского, будущего автора книги «Москва и москвичи»), неизвестно кем была сочинена мелодия. В лихолетье войны Гражданской на эту мелодию распевали уже собственные тексты и белые, и красные, и даже махновцы. Трудно сказать, кто первый начал. Возможно, тон и впрямь задала Добровольческая армия.

Как утверждалось в статьях, опубликованных в середине семидесятых годов прошлого века в эмигрантской газете «Новое русское слово», марш на слова полковника Петра Баторина был заказан композитору Дмитрию Покрассу, лауреату Сталинской премии (он стал им, разумеется, гораздо позднее, в сороковых), находившемуся в тот момент (июнь 1919-го) в занятом белогвардейцами Харькове.

Трудно сказать, в чём заключалась работа Покрасса, если мелодия уже существовала. Предположим, он оркестровал её. Как бы там ни было, никаких претензий композитору никто впоследствии не высказывал. Да и какие могут быть претензии, когда множество деятелей русской культуры в то время не по разу побывало и на красной и на белой территории.

Правда, сотрудничали с «беляками» не все. Так, например, великий русский поэт Велимир

Хлебников отправился из занятого генералом Май-Маевским Харькова напрямик в психиатрическую лечебницу Сабурова Дача— чтобы избежать призыва в армию, ставшую к тому времени добровольческой лишь по названию.

Но не будем отвлекаться, ведь в первую очередь нас интересуют награды.

У дроздовцев помимо медали имелся ещё знак. На реверсе, в верхней его части полукругом по краю выведено: «*Походъ дроздовцевъ*», а поперёк медали: «*Яссы—Донъ*» и «1200 вёрстъ». Две даты: «26.II—25.IV.1918». Ниже, что особенно интересно, оставлено место для гравировки звания и фамилии награждённого.

Тех кто мог носить эту награду, к концу Гражданской войны на юге России осталось в живых не много. Чтобы лучше представить себе масштабы боевых потерь «дроздов», отличавшихся в бою крайним самопожертвованием, достаточно лишь бегло взглянуть на историю одного из полков 3-й дивизии— того самого «славного полка» из процитированной песни.

2-й офицерский (он же— 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского, он же с августа 1919-го 1-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского, а с апреля 1920-го 1-й стрелковый генерала Дроздовского) полк. Эта часть в начале 2-го Кубанского похода за одну только ночь потеряла в бою под Белой Глиной около четырёхсот человек, в том числе до восьмидесяти офицеров убитыми. При взятии Ростова полк лишился двухсот двадцати бойцов, а под Гейдельбергом— более трёхсот.

Позднее, уже в эмиграции, выжившие ветераны полка получили особый знак— золочёный крест длиной 3 см и шириной 2 см, верхний и правый конец которого покрыты малиновой эмалью, а левый и нижний— белой. В середине креста начальная буква фамилии шефа— «Д». Сверху надпись: «*Яссы*», внизу дата: «1917»— год начала формирования отряда.

Их командир не увидел этого знака— в январе 1919 года он скончался в ростовской клинике, куда был перевезён из Екатеринодара в безнадежном состоянии. Михаил Гордеевич погиб от гангрены, развившейся вследствие заражения крови.

Служивец вспоминал:

«Разные слухи ходили о смерти генерала Дроздовского (М. Г. был произведён в генерал-майоры на смертном одре.— М. Л.). Его рана была лёгкая, неопасная. Вначале не было никаких признаков заражения. Обнаружилось оно после того, как в Екатеринодаре Дроздовского стал лечить один врач, потом скрывшийся. Но верно и то, что тогда в Екатеринодаре, говорят, почти не было антисептических средств, даже йода».

Тело военачальника погребли в Екатеринодарском кафедральном соборе, но весной 1920-го, во время поражения и бегства Добровольческой

армии, небольшой отряд дроздовцев внезапно ворвался в уже оставленный белыми город и вывез останки генерала в Крым, чтобы снова предать их земле на Малаховом кургане в Севастополе, под чужим именем на кресте. Исторический курган, овеянный славными и трагическими воспоминаниями, сильно пострадал во время бомбёжек и артобстрелов в Великую Отечественную войну, так что место последнего упокоения праха генерала Дроздовского отыскать теперь невозможно.

Жизнь другого генерала всю, Сергея Леонидовича Маркова, сложилась во многом схоже. Он родился в 1887 году в семье офицера. С отличием окончил Первый Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба в Петербурге. Интерес к штабной работе сочетался у Маркова со стремлением к боевой практике и тем отличал его от обыкновенного штабиста.

Выпущенный в июне 1904 года из академии с чином штабс-капитана Марков, как и Дроздовский, отправился добровольцем в Маньчжурию, где с самого начала Русско-японской войны дела у николаевской империи шли неважно. В августе он получил боевое крещение и в дальнейшем, числясь офицером при штабе Восточного отряда русской Маньчжурской армии, пользовался любимым предложением, чтобы оказаться на линии огня.

Всего за полгода Марков был награждён пятью орденами: Святой Анны 4-й степени, с надписью «За храбрость», 3-й степени, с мечами и бантом, Святого Станислава 3-й и 2-й степеней с мечами, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В межвоенный период он много преподавал, написал учебник по военной географии и «Записки по истории Русской армии».

С октября 1914-го Марков — начальник штаба 19-й пехотной дивизии. За бои у Дуклинских переходов в Карпатах получает «Святую Анну» 1-й степени, а позднее, уже в качестве начштаба 4-й стрелковой бригады, — «Святого Владимира» 3-й степени. Именно тогда началась его дружба с командиром бригады Антоном Ивановичем Деникиным.

В 1915-м полковника Маркова, рвавшегося лично распоряжаться действиями солдат и офицеров на поле боя, назначили временно исполняющим обязанности командира 13-го стрелкового генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полка, но лишь с большим трудом после многочисленных прошений Деникина утвердили в этой должности. В том же году он стал кавалером ордена Святого Георгия 4-го класса, обладателем Георгиевского оружия и чина генерал-майора.

1916 год Сергей Марков провёл в Закавказье, начальствовал штабом 2-й Кавказской казачьей дивизии, но снова не вылезал с передовой. Оттуда его вызвали в Петербург для чтения лекций по общей тактике слушателям ускоренных курсов

при Николаевской академии. В столице боевой генерал не задержался — подал прошение о переводе обратно в действующую армию. Со слушателями курсов он попрощался такими словами:

«Всё это, господа, вздор, сухая теория! На фронте, в окопах — вот где настоящая школа. Я ухожу на фронт, куда приглашаю и вас!»

Февральская революция застала Сергея Леонидовича в несвойственной его кипучей натуре должности генерала для поручений при командующем 10-й армией. Отправленный в марте в Брянск, чтобы осадить взбунтовавшихся гарнизонных солдат, он едва избежал расправы. Неудивительно, что Марков поспешил поддержать корниловский мятеж, был арестован и отправлен в заключение — сперва в Бердичевскую тюрьму, а затем в Быхов, где содержались под стражей Корнилов, Деникин и другие фронтовые товарищи.

Одним из последних действий генерала Николая Духонина на посту и. о. главнокомандующего Русской армией стало освобождение «быховских сидельцев». За это и за сознательную задержку вступления в переговоры с австро-германцами о перемирии он заплатил жизнью: революционные матросы, прикатившие из Питера в могиловскую Ставку с новым, уже большевистским главкомом, бывшим прапорщиком Николаем Крыленко, учинили над генералом самосуд — пустили пулю в затылок, избили труп прикладами и растерзали штыками («отправить к Духонину» сделалось у красных иносказательным выражением, означавшим расстрел).

Кстати, о прапорщиках. В форме прапорщика из Быхова пробирался на Дон по призыву «Алексеевской организации» освобождённый генерал Иван Романовский. «Денщиком» при нём был Сергей Марков. В январе 1918-го Корнилов назначил его начштаба 1-й дивизии Добровольческой армии, а в феврале, после неудачной обороны Ростова, — командиром Сводно-офицерского полка.

Во время 1-го Кубанского (Ледяного) похода генерал Марков совершил отчаянной храбрости поступок. Добровольческая армия, только что под Екатеринодаром лишившаяся популярного командующего и ограниченная в маневре обозом с большим количеством раненых, едва не оказалась раздавленной превосходящими её численно силами красных, напавших со всех сторон. Приняв командование 1-й отдельной пехотной бригадой (весь боеспособный состав армии не превышал в то время полутора тысяч человек), Марков в ночь на 3 апреля подошёл к расположенной возле железнодорожного переезда станице Медведовской.

Начальство собралось у путевой сторожки, организуя переправу обоза и артиллерии. В этот момент от станции к переезду двинулся вражеский бронепоезд. Дальнейшее произошло на глазах у немногочисленных добровольцев. Вот как

описал случившееся Деникин в своих «Очерках русской смуты»:

«Медленно, с закрытыми огнями, бронепоезд надвигается на нас... Поезд уже в нескольких шагах от переезда. Убудки все: генерал Алексеев, командующий армией со штабом и генерал Марков... Марков с нагайкой в руке бросился к паровозу. — Поезд, стой. Раздавишь, с..., с... Разве не видишь, что свой?..

Поезд остановился.

Пока ошалевший машинист пришёл в себя, Марков выхватил у кого-то из стрелков ручную гранату и бросил её в машину. Мгновенно из всех вагонов открыли по нам сильнейший огонь из ружей и пулемётов. Только с открытых оружейных площадок не успели дать ни одного выстрела.

Между тем Миончинский (командир батареи) придвинул к углу будки орудие и под градом пуль почти в упор навёл его на поезд.

— Отходи в сторону от поезда, ложись! — раздался громкий голос Маркова.

Грянул выстрел, граната ударила в паровоз, и он с треском повалился передней частью на полотно. Другая, третья — по блиндированным вагонам... И тогда со всех сторон бросились к поезду марковцы. С ними и их генерал. Стреляли в стены вагонов, взбирались на крышу, рубили топорами отверстия и сквозь них бросали бомбы... Скоро всё кончилось. Слышался ещё только треск горящих патронов... Взято было 400 артиллерийских и около 10 тыс. (ошибка; на самом деле — до 100 тыс. — М. Л.) ружейных патронов. По добровольческим масштабам на несколько боёв обеспечены».

Отгнав огнём второй бронепоезд, добровольцы атаковали станицу.

Кем-то из них, по всей вероятности, и была сочинена дилетантски-неуклюжая, но искренняя песня «Смело вперёд, за Отчизну святую», ставшая маршем Марковского полка.

Смело — вперёд, за Отчизну Святую,
Дружно, как братья, пойдём!
Страху не знаем мы и удалую
Песню в бою запоём!

Песню о том, как бойцы-генералы —
Марков, Дроздовский-герой —
С песнями нам умирать завещали.
Мы поклялись головой!

Как под Медвёдовкой лихо там дрались,
Марков там был генерал.
С ним в бронированный поезд ворвались
И — большевик побежал!

Под Ново-Дмитревской, снегом занесены,
Мокрые, скованы льдом,
Шли мы безропотно, дрались весело,
Грелись холодным штыком!

Пусть знает враг, что бойцы-генералы
В наших сердцах все живут
И что опять, как и прежде бывало,
К победам нас поведут.

И снова, опять за Отчизну Святую
Дружно, как братья, пойдём!
Страху не знаем мы и удалую
Песню в бою запоём!

Приказом Деникина имя погибшего 12 июня 1918 года под Шаблиевкой генерала Маркова было присвоено 1-му Офицерскому полку, развёрнутому позднее в дивизию.

Умножение численности всюр привело её, однако, к гибели. Пока Добровольческая армия действительно состояла из добровольцев, она одерживала победы. Но насильственная мобилизация в неё крестьянства, включение в «цветные» дивизии военнопленных и вообще всякого сброда привели к значительному снижению боеспособности.

Вот что через год белогвардейская пресса писала о марковцах устаревшим языком петербургских декадентов:

«У всякого полка есть своя физиономия. Неистощим задор и молодечество дроздовцев. Непоколебимо спокойное мужество, неотвратимый порыв корниловцев. Но есть ещё один полк. Странен и неповторим его облик. Строгая, простая без единого украшения чёрная форма, белеют лишь просветы да верхи фуражек. Заглушённый мягкий голос... Сдержанность — вот отличительная черта этих людей, которых провинциальные барышни давно очертили томные „марковцы“».

Томные дроздовцы!.. Текст этот опубликовала в № 8 за 10 октября 1919 года в недавно занятом Курске белогвардейская газета «Россия». Это был тот самый день, когда наступление Деникина на Москву окончательно захлебнулось. А уже через два месяца Марковская дивизия во время отхода Добровольческой армии к Ростову была окружена и почти целиком попала в плен на Донбасе — практически в тех же местах, где век спустя случился Дебальцевский «котёл». Марковцев под ружьём осталось так мало, что некому было вывезти тело своего шефа, похороненного на кладбище при Вознесенском соборе Новочеркасска.

В эмиграции для уцелевших был учреждён знак полка — чёрный мальтийский крест с белой узкой каймой по краям. В центре креста — чёрный прямоугольник с двумя пересекающимися диагональными линиями, окружённый терновым венцом. На концах креста указана официальная дата возникновения части: 12 февраля 1918-го.

Имевшаяся у марковцев собственная артиллерийская часть (сначала это была Артиллерийская рота, затем 1-я Михайловско-Константиновская Сводная батарея, выросшая в бригаду),

сформированная из прибывших на Дон юнкеров Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ, в августе 1920 года, то есть ещё находясь в России, в Крыму, успела получить собственный нагрудный знак—золочёный мальтийский крест, покрытый чёрной эмалью, окаймлённый по краям сторон узкой красной полосой и обвитый терновым венцом с золотой литерой «М» по центру.

Имя русского генерала Маркова в начале двухтысячных вновь прозвучало на родине. И теперь уже не в уничижительном смысле. 13 декабря 2003 года в Сальске, с 1918-го по 1920-й носившем имя «Марков», Сергеем Леонидовичу—первому из деятелей Белого движения—был установлен бронзовый памятник.

Корниловцы и алексеевцы

На втором году мировой войны, окончательно превратившейся в позиционную, дала себя знать усталость в рядах армий всех держав, вовлечённых в европейскую бойню. Не только французы, давно уже представлявшие собою лишь тень наполеоновских «железных людей», но и кичившиеся своей дисциплинированностью немцы всерьёз задумались о действенных способах подъёма солдат из окопов в атаку.

Кайзеровцы стали сколачивать у себя *sturmbataillon*'ы, русские ответили на это созданием гренадерских взводов, практиковавших прицельное метание гранат. В приказе командующего 5-й русской армией генерала Плеве от 4 октября 1915 года говорилось об учреждении при каждой роте особой команды бомбометателей, потому что «безоружных... по недостатку винтовок имеется достаточное число в каждой дивизии». В команды следовало «избирать людей смелых и энергичных, вооружить каждого десятью гранатами, удобно повешенными на пояс, и топорами произвольного образца, а также снабдить каждого лопатой, по возможности большой, и ручными ножницами для резки проволоки».

Постепенно гренадеры получали специальное вооружение и экипировку. А заодно и форменные знаки отличия. В ноябре 1916-го начальник Генерального штаба Русской армии генерал Алексеев докладывал венценосному Главковерху Николаю II:

«С соизволения Вашего Императорского Величества при пехотных и стрелковых полках на время настоящей войны сформированы особые взводы гренадер.

В целях установления некоторого отличия в форме одежды нижних чинов гренадерских взводов полагалось бы установить для них на левом рукаве мундира и шинели особый знак, в виде нашитого из алого сукна изображения горячей гранаты, диаметром в один вершок».

С этой «горящей гранатой» мы ещё встретимся.

Февральская революция 1917 года, как уже не раз было сказано, повлияла на воинскую дисциплину самым разрушительным образом. Эффект разорвавшейся бомбы произвёл Приказ №1 от 1 марта, изданный захватившим власть в столице Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов. Этим рядившимся под демократизм, но в той ситуации попросту преступным и предательским приказом, направленным солдатам Петроградского гарнизона, «гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точно исполнения», в каждой воинской части, в каждом подразделении учреждались так называемые комитеты, то есть фактически ликвидировалось единоначалие.

Один из идейных вдохновителей коллективного текста, социал-демократ Иосиф Гольденберг, впоследствии откровенничал: «В день, когда мы „сделали революцию“, мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили—я смело утверждаю это—надлежащее средство».

«Средство», переданное царскосельской радиостанцией, вызвало бурю восторга у нижних чинов. Немедленно и повсеместно началось братание с врагом. Безоружные солдаты массами переходили через линию фронта. Разведка противника, особенно немецкая, поощряла и контролировала такие сходки, за которыми обыкновенно следовали у русских дезертирство и вооружённые бунты, сопровождавшиеся расправой над неугодными офицерами.

Целые дивизии, взбудораженные членами своих комитетов и распропагандированные приезжими агитаторами, наотрез отказывались воевать и, покинув передовые позиции, самовольно отходили в тыл. В этих условиях командующий Юго-Западным фронтом генерал Алексей Брусилов, знаменитый прорывом в мае 1916-го позиций австро-венгров, санкционировал формирование на добровольной основе в подчинённых ему армиях «частей смерти».

Их идею Временному правительству подсказал князь Сергей Кудашёв. В докладной записке на имя военного министра Александра Гучкова князь отметил, что практика таких частей уже «широко применяется во Франции в так называемых штурмовых колоннах, которые особо подбираются, чтобы идти на верную смерть... Этот принцип, видоизменённый к русским условиям, может возродить русскую армию. Поэтому... представляется необходимым во всех армиях фронта создать особые „ударные“ единицы, большею частью обречённые на истребление, которые должны быть составлены исключительно из добровольцев».

К началу лета 1917 года патриотическое ударническое движение приняло массовый характер. Теперь уже дивизии, а то и целые корпуса обращались в Ставку с просьбой о зачислении их в «части смерти, с почётным правом умереть за Родину».

Наибольшую известность приобрёл среди них 1-й Ударный отряд капитана (впоследствии полковника) Митрофана Неженцева, организованный при всё ещё сохранявшей относительно высокую боеспособность 8-й армии брусиловского Юго-Западного фронта.

Командовал армией в ту пору Лавр Корнилов. После неудачи летнего русского наступления именно он был назначен вместо Брусилова Верховным главнокомандующим. Его Ударный отряд, героически действовавший на фронте и понёсший тяжёлые потери, после пополнения в августе был развёрнут в четырёхбатальонный Корниловский ударный полк — последний вновь сформированный полк Русской армии.

Полк перебазировался вслед за своим прежним армейским начальником в могилёвскую Ставку, но участия в Корниловском мятеже не принимал. И всё же, опасаясь расформирования части, Неженцев обратился к возглавлявшему французскую военную миссию генералу Нисселию с просьбой о переброске полка во Францию.

Кончилось тем, что внушавший подозрение полк был «от греха подальше» включён в состав сформированной в основном из военнопленных славян 1-й Чехо-Словацкой стрелковой дивизии, сначала как 1-й Российский ударный, а затем как Славянский ударный. Что интересно, все прежние знаки отличия, включая эмблемы и звание «корниловцы» были за полком сохранены.

Когда большевистский переворот в Петрограде стал свершившимся фактом, отчаянный приказ Духонина бросил Славянский ударный полк на Кавказский фронт. Это был всего лишь трюк: глядишь, повезёт добраться до Новочеркасска.

Но организованно прибыть в казачью область полку не удалось — сказалось противодействие железнодорожных служащих и сопротивление гарнизонов по всему пути следования. Лишь около шестисот человек вместе с Неженцевым достигли цели. Туда же, в Новочеркасск, вскоре прибыл Корнилов, шеф полка, чтобы возглавить миниатюрную белую армию.

Корниловский ударный полк вошёл в состав 1-й Добровольческой дивизии, вместе с которой ему ранней весной 1918 года пришлось с боями прорываться на Кубань. При неудачном штурме Екатеринодара корниловцы с разницей в сутки лишились и шефа и своего первого командира. Генерал Деникин, свидетель гибели полковника, так описал её в своих мемуарах:

«...Неженцев отдал приказ атаковать. Со своего кургана, на котором Бог хранил его целые сутки,

он видел, как цепь поднималась и опять залегала; связанный незримыми нитями с теми, что лежали внизу, он чувствовал, что наступил предел человеческого дерзанию и что пришла пора пустить в дело „последний резерв“. Сошёл с холма, перебежал в овраг и поднял цепи. — Корниловцы, вперёд! Голос застрял в горле. Ударил в голову пуля. Он упал. Потом поднялся, сделал несколько шагов и повалился опять, убитый наповал второй пулей».

По свидетельству Александра Трушновича, командира пулемётной роты, смерть была для корниловцев обыденностью. Только с июня по октябрь 1918 года «через Корниловский полк прошло более пятнадцатитысяч человек. В большинстве интеллигентная молодёжь». Всего же с июня 1917-го по ноябрь 1920-го полк, развёрнутый, было, в 1919 году в дивизию трёх- и даже какое-то время четырёхполкового состава, а затем снова сведённый из-за больших потерь к первоначальной организации, участвовал в 570 боях и потерял в них убитыми 13 674 человека, ранеными 34 328 человек, то есть всего около пятидесяти тысяч бойцов.

Погибли четыре командира полка, шестьдесят четыре командира батальона, четыреста семьдесят два ротных командира. Несколько раз (например, под Каховкой в 1920-м) корниловские части уничтожались практически полностью.

Неудивительно, что и форма корниловцев напоминала о смерти — чёрно-красные фуражки (второй цвет символизировал, между прочим, как и у большевиков, свободу) с серебряным черепом и костями, чёрные мундиры с белыми кантами, чёрно-красные погоны с серебряной «адамовой головой» и белыми выпушками, нашивка с черепом и костями на левом плече, серебряные кольца с черепом, чёрно-красное знамя с белым черепом и костями.

Те же атрибуты присутствуют на серебряном жетоне и на знаке полка, ценившихся их обладателями, пожалуй, не меньше Георгиевского ордена. Жетон в форме гербового щита копировал нарукавную нашивку, в верхней части его так же имелась дуговая надпись «корниловцы», а в нижней, под двумя поднятыми вверх и скрещёнными мечами, изображалась пылающая граната (память о гренадерском прошлом) и дата: «1917–18».

Знак полка представляет собой покрытый чёрной эмалью и белый по краям равносторонний крест, положенный на терновый венец, под которым располагается остриём вверх и наискось, слева-направо, серебряный с золотой рукоятью меч. В центре — голубой щит, как на жетоне, только без даты, и мечи опущены вниз.

...История последней «цветной» части, алексеевцев, более коротка, но не менее трагична.

Костяк алексеевцев — образованный в феврале 1918-го Партизанский полк Добровольческой армии. «Состав полка, — вспоминал один из его

ветеранов,—был: молодые офицеры, юнкера, студенты, кадеты, гимназисты, казаки—в главном зелёная молодёжь. Впоследствии цветами формы полка стали синий и белый—цвета юности, в память именно этой молодёжи, пошедшей с Алексеевым и Корниловым в Первый Кубанский поход». Под Екатеринодаром партизаны, насчитывавшие примерно восемьсот штыков, потеряли до пятисот человек из своего состава.

После смерти осенью 1918 года организатора добровольческого движения на юге России полк получил новое название—Партизанский генерала Алексеева пехотный. А зимой Первый конный (Конно-партизанский) полк и батарея лёгкого артиллерийского дивизиона тоже стали именоваться Алексеевскими.

В октябре 1919 года они были переформированы в дивизию.

Алексеевцы носили белые фуражки с синим околышем и синие погоны с белой выпушкой. Пехота (то, что от неё уцелело) получила свой знак только через двадцать лет, по решению РОВС. Это был крест белого металла, с удлинёнными вертикальными сторонами, разделённый надвое по горизонтали: верхняя часть креста покрывалась белой эмалью, нижняя—голубой. В центре креста золочёная литера «А», выполненная славянской вязью, и дата: «1917».

Собственные знаки имели также алексеевцы-кавалеристы и артиллеристы. У первых он напоминает знак корниловцев: чёрный эмалированный равносторонний крест, с белой каймой, диагонально положенный меч, рукоятью вниз, терновый венец, но только «наброшенный» на верхнюю сторону креста, а вместо «адамовой головы» на голубом щите корниловцев—фирменное «А» и та же дата под ней.

Вариант для артиллеристов: вместо креста на терновый венец положены два скрещённых оружейных ствола, накрытые сверху полковой литерой.

Сразу после развёртывания Алексеевская дивизия оказалась втянутой осенью 1919 года в общее отступление добровольческих войск. Она несла при этом настолько большие потери, что по прибытии в Крым в марте 1920-го превратилась в бригаду, а затем и вовсе была расформирована из-за малочисленности. Последний бой Алексеевского пехотного полка в октябре 1920 года под Богдановкой закончился тем, что 2-й батальон, состоявший из бывших красноармейцев, сдался в плен будёновской коннице.

Командир части полковник Пётр Бузун сообщил во врангелевский штаб, что его полка больше не существует.

Последние награды Белого движения

После поражения ВСЮР осенью 1919 года и эвакуации остатков разгромлённых белых армий

в Крым дальнейшая борьба с красными на юге России стала практически безнадежной.

Те из деникинцев, кто не бросил оружие и не самоликвидировал свои части, как это сделали кубанские казаки, оказались рассеянными на пространстве южнорусских губерний. Так, войска, подчинённые генералу Николаю Бредову, отрезанные от главных сил в правобережной Украине, медленно отходили из Киева в общем направлении на Одессу. Но приморский город был уже занят противником. Белогвардейское командование решило перейти румынскую границу, чтобы затем по морю переправиться на всё ещё оборонявшийся Крымский полуостров. Румыния отказала. Тогда в ночь на тридцатое января 1920 года патрульные и предельно уставшие части, тормозимые обозом с ранеными и тысячами беженцев, двинулись вверх по течению Днестра в четырнадцатидневный поход на соединение с поляками.

Польша, находившаяся с зимы 1919-го в состоянии открытого вооружённого конфликта с РСФСР, боевое содружество с деникинцами, мягко говоря, не приветствовала (Деникин, хотя и признавал польскую независимость, но был категорически против её территориальных претензий на Украине и в Белоруссии). Отряд Бредова поляки разоружили и распределили по бывшим немецким лагерям для военнопленных. Там большое число интернированных солдат и офицеров выкосил тиф. Лишь около семи тысяч из них дождалось переброски в Крым в августе и приняли участие в последних боях.

В 1922 году «в воздаяние верности долгу и понесённых тяжёлых трудов и лишений чинами отряда генерала Бредова, с боями пробившимися в студёную зимнюю пору из Тирасполя в Польшу», для оставшихся к тому времени в живых участников Бредовского похода был учреждён серебряный крест, покрытый с обеих сторон белой эмалью, на трёхполосной колодке национальных цветов. Посередине креста на лицевой его стороне изображены вертикально опущенный меч и соответствующая дата, а на оборотной—надпись славянской вязью «*верные долгу*».

Позаимствованные у Некрасова слова о «студёной зимней поре» принадлежат перу барона Врангеля, принявшего командование остатками ВСЮР в марте 1920-го, после того как Деникин под давлением окружения сложил с себя все полномочия и навсегда покинул Россию.

Первый по времени награждения с начала войны в 1914-м кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени—самой почётной награды боевых русских офицеров—за героическую и едва не стоившую ему жизни атаку в конном строю неприятельской батареи, Пётр Николаевич Врангель получил свой первый генеральский чин по одному из последних императорских указов. У Деникина Врангель

командовал Кавказской армией и проявил себя грамотным и решительным военачальником. Это его войска в конце концов отобрали у красных Царицын. Затем Врангель предложил изменить стратегический план и наступать на Москву через Поволжье вместе с Колчаком, а не коротким путём через Курск и Орёл, который в итоге завёл белых в Крым...

Положение нового главнокомандующего было самое незавидное. Прежде всего, требовалось организовать снабжение армии. А ведь за её спиной, кроме собственного населения Крыма, в Симферополе и на узкой прибрежной полосе полуострова сгрудилось ещё полмиллиона беженцев, оставшихся зимой без средств к существованию.

Эту задачу воинственный барон, в чьих жилах текла кровь соратников Карла XII, лёгших костями на Полтавском поле, решил, вызвав из Франции крупного русского экономиста Александра Кривошеина, бывшего главноуправляющего землеустройством и земледелием, одного из самых активных участников проведения в жизнь Столыпинской аграрной реформы.

Мысль о том, чтобы превратить Крым в оазис достатка и комфорта, в Мекку русской дворянской цивилизации и культуры, была, возможно, не столь уж утопической. Но Врангель допустил ошибку. Суровые с виду люди обыкновенно очень доверчивы. Барон полагал, что его западных друзей и впрямь интересует международная легитимизация крымского правительства. На самом деле они решили принести Крым в жертву польским интересам.

Не успев ещё как следует закрепиться на полуострове, Врангель атаковал.

ВСЮР были переименованы в Русскую Армию. 20-го мая за подписью барона вышел приказ № 3226, начинавшийся набившими оскомину словами о том, что армия «идёт освобождать от красной нечисти Родную землю». Завершался же этот документ, по меньшей мере, двусмысленным заявлением, которое в руках красных пропагандистов превратилось прямо-таки в козырного туза.

Речь идёт о знаменитом врангелевском призыве: «Земле—волею народа поставленный Хозяин!». Это не могло не вызвать ассоциаций с избранием Земским собором 21 февраля 1613 года в цари Михаила Романова—праотца Николая Второго, в опросном листе всенародной переписи 1897-го именовавшего себя, как известно, «Хозяином Земли Русской».

В общем, как в той песне: «Белая армия, чёрный барон, снова готовят нам царский трон...»

6 июня для поддержания в белых войсках наступательного духа был учреждён крест Екатеринославского похода—в «воздаяние доблести» участников полутороговой давности прорыва в Крым сводного отряда 34-й пехотной дивизии,

полка новороссийских драгун и нескольких артиллерийских и инженерных частей под общим командованием генерала Васильченко (всего порядка тысячи штыков). Крест копировал форму Георгиевского, но покрывался не белой, а чёрной эмалью с широкой каймой по краям. Он был положен на общий для многих белогвардейских наград терновый венец. В середине креста располагался голубой щиток с гербом Екатеринослава (ныне г. Днепр, областной центр Днепропетровской области Украины), представлявшим из себя окружённый звёздами золотой вензель императрицы Екатерины II,—ведь это в эпоху её правления Екатеринослав получил статус города.

А несколько ранее, в апреле, в надежде на чудо, которое только и могло спасти Русскую Армию, Врангель установил последний и, пожалуй, единственный значимый и полноценный белогвардейский орден—орден Святителя Николая Чудотворца. Внешне он тоже напоминал Георгиевский, к которому фактически приравнивался. Девиз «*верой спасётся Россия*» был начертан вокруг изображения святителя в медальоне.

Носить награду на мундире полагалось всё-таки ниже Георгиевского ордена, зато получить её наравне с офицерами могли и рядовые. Правда, только те, кто был ранее удостоен хотя бы двух степеней солдатского «Егория».

В условиях осаждённого Крыма, где ощущалась нужда в самом необходимом, конечно, не могло быть и речи об изготовлении награды из драгоценных металлов, о покрытии её эмалью. Поэтому белогвардейский Николаевский орден делался из ничем не замаскированного железа, что вполне соответствовало обстановке.

1-й степени так никому и не досталась, но 2-ю получили несколько сотен солдат, офицеров и генералов. В том числе и сам Врангель.

Первым же кавалером, согласно приказу Главнокомандующего от 26 мая 1920 года, стал штабс-капитан 3-го отряда 1-го танкового дивизиона, прорвавший на головном танке проволочные заграждения красных и тем открывший путь атакующей пехоте. Фамилия у танкиста не самая простая для произношения: Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский.

Месяц спустя после этого награждения приказом от 26 июня был учреждён трёхцветный вымпел Ордена Святого Николая Чудотворца—военно-морская награда. В тот же день вымпел пожаловали канонеркам «Страж», «Грозный», «Алтай» и «Урал», ледоколам «Всадник» и «Гайдамак», катерам «Мария», «Азовец», «Николай Пашич», «Димитрий», «Пантикопья» и «Меотида».

Помощь моряков врангелевцам вскоре очень понадобилась. После разгрома белых под Каховкой, Красная армия в начале ноября штурмовала Турецкий вал на Перекопском перешейке

и, одновременно форсировав с примкнувшими к ней махновцами «гнилое море» Сиваш, ворвалась в Крым.

Около ста пятидесяти тысяч человек — не только военные, но и значительное число гражданских лиц — на французских и русских кораблях эвакуировались в оккупированный Антантой Константинополь. Судьба оставшихся представляет собой одну из наиболее ужасающих страниц истории гражданской смуты в России: десятки тысяч офицеров, чиновников и просто тех, кто казался победившему пролетариату «буржуями» и «контрой», были расстреляны по приказанию председателя Крымского ревкома венгерского карателя Белы Куна и его подручных — завсегдагая «чрезвычайка» Григория Пятакова и революционной фурии Розалии Залкинд, более известной под партийным псевдонимом «Землячка».

Остатки врангелевской армии несколько лет владели жалкое существование на Балканах. Какое-то время они сохраняли внутреннюю организацию и условную боеспособность. Врангель даже придумал для них в 1921–22 годах с полдюжины «утешительных» наград. Таких, например, как Крест для эвакуированных на остров Лемнос, Крест для эвакуированных в Галлиполи и др.

Интереснее других Крест для чинов яхты «Лукулл». На этом судне барон проживал на стамбульском рейде. 35 октября 1921 года яхту протаранил и потопил итальянский пароход «Адрия», пришедший из советского Батума. Главнокомандующего в тот момент на борту не оказалось, погибло трое членов экипажа. Возникло предположение о террористическом акте, которое подтвердилось спустя десятилетия.

В 1924 году Русская Армия была преобразована в Русский обще-воинский союз — организацию, существующую и в настоящее время. Союз учредил

помимо полковых знаков для военнослужащих «цветных» дивизий крест для членов Общества галлиполийцев, так никогда и не изготовленный. В своей практике РОВС перешёл от открытого вооружённого противостояния Советам к подпольно-террористической деятельности.

После эвакуации Крыма и ликвидации семейщины и унгерновщины последним очагом централизованного белого сопротивления большевикам на территории России осталось только Приморье. Здесь при поддержке японцев генерал Михаил Дитерихс, назвавшийся «земским воеводой», пытался командовать жалкими остатками колчаковских армий. В сентябре 1922 года он даже перешёл в наступление на войска Народно-революционной армии Дальневосточной республики, но был разгромлён под Спасском и бежал в Китай, оставив на память об этих бесславных временах медаль Приамурского Земского собора, на аверсе которой изображён святой Георгий, поражающий змия копьём, а на реверсе — лаврой венком с датами проведения собора и с поясняющей событие надписью.

25 октября части НРА и партизаны вступили во Владивосток.

В ноябре командиры НРА ДВР от имени Народного собрания обратились во ВЦИК с просьбой о включении «буферной» республики в состав РСФСР, и на следующий день, 15 ноября 1922 года в советской стране появилась Дальневосточная область.

Теперь ветераны Красной армии могли с удовлетворением сказать, что они

Разгромили атаманов, разогнали воевод
И на Тихом океане свой закончили поход.

Закончим и мы рассказ о наградах Белого движения.